

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 930.1

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ А.С. АХИЕЗЕРА

В.И. Бакулин, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Россия),
e-mail: vla84780804@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности методологического подхода к российской истории А.С. Ахиезера; выявляются позитив и негатив его концепции; производится сопоставление ее с марксистской методологией.

Ключевые слова: методология, либерализм, утилитаризм, инверсия, синкретизм, справедливость.

THE LIBERAL THEORY OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 BY A.S. AKHIEZER

Abstract. The article describes peculiarities of the methodological approach to the history of Russia of A.S. Akhiezer; reveals positive and negative of this theory; makes a comparison with the Marxist methodology.

Keywords: methodology, liberalism, utilitarianism, inversion, syncretism, justice.

А.С. Ахиезер – один из «гуру» российской либеральной историографии, получивший наибольшую известность в 90-е гг. XX в. Но и сегодня его концепция российского исторического процесса не потеряла актуальность, поскольку заложенные в ней идеи и принципы продолжают оказывать влияние на содержание либерального дискурса в научной среде. Изложенная в монографии «Россия: критика исторического опыта: (социокультурная динамика России)» система взглядов Ахиезера позиционируется в качестве альтернативы марксистскому подходу к истории, как по содержанию, так и по терминологии. Так, если у историков-марксистов капитализм проникает в деревню, формируя в ней определенную классовую структуру населения, связанные с ней отношения и столкновение интересов, то у Ахиезера этот процесс именуется расколом «народной почвы», началом борьбы между «умеренным и развитым утилитаризмом» и т.п. Если марксизм позиционирует себя в качестве диалектико-материалистической философской системы, то в теоретических построениях А.С. Ахиезера приоритет отдан идеальному началу, что формулируется, например, в следующем тезисе: «В центр понимания, объяснения истории должно перемещаться не стремление производить блага, не изготовление орудий, не метафизическая вера или утилитарные ценности, хотя и без всего этого нет истории. Все это лишь разные стороны одного процесса, то есть способности человека выходить за свои собственные исторически сложившиеся рамки через идеальную и практическую рефлексии» [1, с. 345].

В основе концепции Ахиезера – проходящее через всю российскую историю сложное взаимодействие двух социокультурных идеалов – вечаевого (народного, соборного, консервативного) и либерального (динамичного, прогрессивного) начал. Вечеовой – порождение

ограниченного социума (например, населения волости), его атрибут – локализм сознания. Он корреспондируется с властью тотемного типа; в роли тотема в России выступает монарх. Становление древнерусской (а затем и обновленной русской) государственности происходило в борьбе с локализмом. Напротив, распад уже существовавшего государства был реваншем и торжеством локализма [1, с. 329]. Историю России с древности до 1917 г. Ахиезер делит на два периода. Первый – это время продвижения общества от «соборного идеала» и «локальности разрозненных частей общества» к «крайнему авторитаризму... и объединению страны под властью отца-тотема», каковым на определенном этапе выступил Петр I. Во втором периоде вектор движения разворачивается в противоположном направлении – от обанкротившегося крайнего авторитаризма к обусловленному Февральской революцией распаду страны и уничтожению превратившегося в общественном сознании в антитотем и олицетворение зла царя [1, с. 343–344].

Важное место в концепции А.С. Ахиезера занимает термин «инверсия», которым обозначаются оба процесса – от локализма к государственности и от единого государственно-целого – к локальным его фрагментам [1, с. 343–344]. Особенность российской истории, по Ахиезеру, такова: та и другая инверсии протекали в разрушительном варианте, при слабости или отсутствии регулирующего субъекта – медиатора (промежуточной между конкурирующими идеалами культуры), который смягчает инверсию и обеспечивает эволюционные прогрессивные изменения. Инверсия в жизни социума – следствие упрощенного (синкретического) мышления; с ним, как и с локализмом, сочетается древний вечевого идеал. По мере развития социума и снижения роли синкретизма (заметное уже в правление Александра II), последний вытесняется утилитаризмом, а синкретическое мышление «сменяется раздумьями, колебаниями, возрастает терпимость...» [1, с. 194]. Ахиезер явно апеллирует к теории утилитаризма И. Бентама. Под утилитаризмом понимается: 1) оценка явлений только с точки зрения их полезности, возможности служить средством для достижения какой-либо цели; 2) в этике – направление, считающее пользу основой нравственности и критерием человеческих поступков [2].

Материальная основа утилитаризма – рыночные отношения. Исторически, утверждает Ахиезер, на смену начальному эгоистичному умеренному утилитаризму приходит развитой, ориентированный на прогресс производства и развитие личности. Он готовит почву «для либерализма с его повышенным вниманием к духовным ценностям, идеалам свободы, саморазвития, законности, диалога и т.д.». Либерализм развивается, а «синкретизм враждебен изменениям». Победа либерализма обеспечивает «качественные сдвиги не только в экономике, но и в культуре, в развитии социальных групп» [1, с. 194, 331, 344]. Он противостоит инверсии, «преодолеывает локализм сознания, переходя к принципу всеобщей ответственности... каждого за целое, целого за каждое». Так возникает новая социопсихологическая база для государственного строительства [1, с. 194–195]. Общественному согласию, в варианте синкретизма основанному на вере, противопоставляется диалог, медиация, анализ и синтез, постоянный поиск меры [1, с. 195].

На этой теоретической базе Ахиезером выстраивается версия революции 1917 г. в России. Февральское обрушение монархии, начавшийся распад государства и общества он характеризует как победу локализма и разгул народной социопсихологии, в соответствии с которой «массовое стремление олицетворять Правду с первым лицом... инверсионным образом амбивалентно перешло в стремление отождествлять Правду с локальной соборностью» [1, с. 344]. Таким замысловатым способом, сводя события весны–осени 1917 г. к по-

беде локализма, А.С. Ахиезер уводит от ответственности за крушение государственности новую либеральную власть. То обстоятельство, что Правда в народном сознании ассоциировалась, в первую очередь, не с локализмом (хотя и это имело место), а с социальной справедливостью, либерал Ахиезер, естественно, умалчивает. Но именно стремление к ней, подкрепленное соответствующей политикой «верхов», могло сплотить народные массы (в менталитете коих анархические побуждения изначально сочетались с государственным инстинктом), создать условия для возрождения державы. Из категорического противопоставления «локального сознания» общегосударственному, носителем которого признается исключительно либерализм, по умолчанию вытекает вывод о возможности строить государственность после крушения монархии только на буржуазных началах. Советская власть и социалистический вектор в этой системе координат – «незаконны».

Позитив концепции А.С. Ахиезера (особенно, в смутные 1990-е гг.) заключался в том, что он пытался уходить от голой экономической и социологической схемы, указывал на потенциальную многовариантность разрешения конкретных исторических ситуаций: «В истории трудно назвать какое-то отдельное событие, которое само по себе изменило бы весь ход последующей истории, – утверждал автор монографии. – Отдельные события могли произойти как-то иначе или не произойти совсем, но ход истории определяется, в конечном счете, не ими, а деятельностью миллионов» [1, с. 343]. Отрицая марксизм, Ахиезер в ряде принципиальных положений пересекается с ним, что видно хотя бы из вышеприведенной цитаты. Налицо признание объективных закономерностей, пробивающих дорогу через завалы случайностей и обусловленных решающей исторической ролью народа. О том же и Ленин: «...политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика...» [3, с. 16–17]. Совпадает и тезис о том, что народы творят историю, будучи движимы духовными мотивами, идеями. С учетом пожелания Ф. Энгельса иметь в виду побуждения не отдельных, хотя бы и выдающихся, личностей, а те, которые приводят в движение большие массы людей [4, с. 307–308].

По существу, и там, и там речь идет о факторах, задаваемых объективно. Но на почве определения этих факторов начинается принципиальное расхождение между марксизмом и теорией Ахиезера. Как, впрочем, и любой иной концепцией, задающей социокультурный подход к историческому материалу. В марксизме за исходный пункт принимается тот очевидный факт, что физиологическое воспроизводство человеческого рода непосредственно связано с материальным производством и формирующимися на его основе производственными отношениями. И лишь на этом фундаменте выстраиваются все прочие межчеловеческие отношения – от государственно-правовых до культурно-ментальных. Вопрос приоритетности материального или идеального в жизни социума решается здесь (в конечном счете, как подчеркивал Энгельс) в пользу первого из них. Поэтому «овладевшие массами» идеи, как бы возвышенно они не формулировались («Свобода, равенство, братство!»), имеют глубокие корни в материальной почве.

Ахиезер на первый план выдвигает, а порой и абсолютизирует идеальное начало. Так, он признает классовую борьбу в обществе: «Крестьяне шли на разгром имений, руководствуясь интерпретацией своих архаичных представлений... Крестьяне боролись не только против помещичьего землевладения, но выступали против частной собственности на землю» [1, с. 316]. Но действия крестьян объясняются при этом исключительно ментальными мотивами – «архаичными представлениями». Кроме того, даже намеки на классовую борьбу у него обязательно привязываются к проявлениям уравнительности [1, с.

316]. Между тем, даже общинная жизнь не предполагала полной уравнительности. Есть немало свидетельств тому, что трудовое неравенство крестьянством признавалось как справедливое и закономерное. Однако Ахиезер, как уже отмечено выше, понятие «социальная справедливость» в свой категориальный аппарат не включает. Поэтому ущербным выглядит в его методологической системе тот, якобы олицетворяемый либерализмом «нравственный идеал», к которому он нередко апеллирует. Но совсем не случайно, определяя «высшие ценности» «либеральной суперцивилизации», он конкретно называет лишь материальные факторы – науку, технику, развитый рынок [1, с. 350].

Правда, среди «просто» ценностей буржуазного общества он упоминает «идеалы свободы, саморазвития, законности, диалога» [1, с. 246], что выглядит несколько эклектично и довольно абстрактно. Разделяемые либеральной и умеренно социалистической общественностью, они оказались чуждыми большинству народа, что поставило Россию на грань гибели в период падения монархии. Крушение империи после Февраля, отмечает А.С. Ахиезер, оказалось следствием «...процесса всеобщего нравственного разложения общества, распада древних идеалов, слабой борьбы в обществе за новые конструктивные принципы» [1, с. 332]. Разумеется, вопрос о предпосылках революции не столь прост, но то, что новая власть не смогла либеральными мантрами заполнить вакуум, образовавшийся в результате временного падения «единого древнего органического нравственного идеала», имевшего в основе принципы коллективизма и справедливости, своими «конструктивными принципами», сомнений не вызывает.

Литература:

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В 2-х т. Т. 1: От прошлого к будущему / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 806 с.
2. Современная энциклопедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/49574> (дата обращения 03.02.2016).
3. Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта // Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 3–26.
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. С. 269–317.

References:

1. Ahiezer A.S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnaja dinamika Rossii). V 2-h t. T. 1: Ot proshlogo k budushhemu / A.S. Ahiezer. – Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1997. 806 s.
2. Sovremennaja jenciklopedija. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/49574> (data obrashhenija 03.02.2016).
3. Lenin V.I. Sed'moj jekstrennyj s#ezd RKP(b) 6–8 marta 1918 g. Politicheskij otchet Central'nogo Komiteta 7 marta // Polnoe sobranie sochinenij. T. 36. S. 3–26.
4. Jengel's F. Ljudvig Fejerbah i konec klassicheskoj nemeckoj filosofii / K. Marks, F. Jengel's. Sochinenija. T. 21. S. 269–317.

Сведения об авторе

Владимир Иванович **Бакулин**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 908

ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНАЯ СИСТЕМА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МЕСЯЦЫ 1917–1918 гг.

И.З. Гаффаров, Казанский Приволжский федеральный университет (Казань, Россия),
e-mail: ildarg67@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена началу деятельности Наркомата финансов в Казанской губернии в первые месяцы после Октябрьской революции. Задействованы выписки из архивных материалов, а также некоторые пояснения, касающиеся особенностей формирования советских финансовых структур. Описывается процесс частичной реанимации разрушенных революцией имперских финансовых учреждений и выстраивания финансовых органов новой советской власти.

Ключевые слова: государственный банк, национализация, временный революционный комитет, наркомат финансов, декрет.

FISCAL SYSTEM OF KAZAN PROVINCE IN THE REVOLUTIONARY MONTHS OF 1917–1918

Abstract. The article deals with the activity of People's Commissar during the first months of the October Revolution. The author uses some archival materials as well as explanations of some peculiarities of formation of Soviet fiscal structures. The necessary reconstruction of imperial fiscal institutions destroyed by revolution and parallel formation of the new fiscal institutions under the new government were carried out. A shift of these institutions to the new work principles took place.

Keywords: national bank, nationalization, provisional revolutionary committee, people's fiscal commissar, decree.

Глубокие и всесторонние преобразования, охватившие российское общество в последние десятилетия, характеризуются поиском оптимальной модели экономического развития, органичного баланса государственных интересов и частной инициативы, созданием эффективных социальных институтов, являющихся необходимым условием для дальнейшего развития.

Однако сегодня перед Россией встают очень серьезные задачи, вызванные глобальным финансовым кризисом, внешним экономическим давлением. Главной задачей в данных условиях является сохранение социально-экономических достижений предыдущих лет и продолжение курса эффективных реформ, направленных на преодоление бедности и повышение уровня жизни населения.

В этой связи как никогда актуальными становятся вопросы управления финансово-бюджетной сферой.

Разгорающийся мировой экономический кризис показывает, что от грамотной финансовой деятельности, взвешенных управленческих решений, строгой бюджетной политики зависят устойчивость всей государственной системы, общественная стабильность и, в конечном счете, перспективы дальнейшего развития страны.

В связи с этим большое значение приобретает исторический опыт формирования финансового ведомства советской страны в первые месяцы ее существования на примере Казанской губернии. Этот период характерен революционными изменениями социально-политических и экономических формаций в масштабах всей бывшей империи.

В Казани установление советской власти произошло 26 октября (8 ноября) 1917 г., когда был сформирован Временный революционный комитет. На следующий день 27 октября члены ВРК Г.Ш. Олькеницкий, Н.Е. Ершов и Я.В. Жестяников на заседании революционного штаба назначили комиссаром Казанского отделения Государственного банка (КОГБ) А.И. Бочкова, который уже 28 октября пришел в банк с мандатом, подписанным командующим войсками Казанского округа, революционером-прапорщиком Н.Е. Ершовым. В мандате, в частности, говорилось, что «все денежные операции, как местные, так и иногородние производятся лишь по ордерам, подписанным комиссаром. Администрация и служащие обязаны беспрекословно выполнять все требования комиссара. Все отступления от этого распоряжения будут караться арестом и конфискацией всего имущества виновных» [3, с. 112].

А.И. Бочков сразу распорядился подавать ему на подпись все ордера на выдачу свыше 500 рублей, переводы в другие города для выдачи частным лицам и фирмам. Управляющий КОГБ И.А. Тихенко и директор сберегательной кассы все вопросы обязаны были решать через А.И. Бочкова. В декабре 1917 г. исполнительное бюро Казанского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов назначило комиссаров в казенную палату и казначейство и сместило руководство казанской казенной палаты в лице управляющего, действительного статского советника К.А. Штенгера, начальника 3-го отделения, надворного советника А.Д. Кислицина, бухгалтера, коллежского асессора А.В. Воздвиженского. Так началась ликвидация старых и формирование советских финансовых учреждений в губернском центре. В марте 1918 г. был образован комиссариат финансов Казанской Советской Рабоче-Крестьянской Республики во главе со В.Н. Скачковым [4, с. 39], одним из первых приказов которого стало проведение в жизнь Декрета о национализации банков. В том же месяце национализация банков в Казанской губернии была в целом завершена.

В.И. Ленин в мае 1918 г. с горечью вынужден был констатировать: «...мы больше национализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать» [1, с. 294]. После Октябрьской революции происходила коренная ломка политических, социально-экономических и культурных отношений. Марксистская идеология предусматривала новые экономические отношения. В конце 1917 – начале 1918 гг., руководствуясь партийными соображениями, большевики уничтожали частную собственность, национализировали банковскую систему и основные отрасли народного хозяйства. Все это привело к полному коллапсу производственного сектора и создало серьезную угрозу финансовой системе. Оторванные от реальности большевики смело заявляли, что в новом государстве денежных отношений не будет. Однако вспыхнувшая скоро гражданская война показала ошибочность таких заявлений. Действительно, еще в первые месяцы постреволюционных событий происходило медленное осознание большевистским руководством необходимости хотя бы частичной реанимации производственно-финансового сектора бывшей империи. А это потребовало от большевиков обращения за помощью к опытным финансистам, бывшим служащим Государственного банка, чиновникам казенных палат и других финансовых учреждений царской России. Это было непросто. Многие чиновники старой имперской администрации не хотели идти на сотрудничество с большевиками по идеологическим сооб-

ражениям или по причине личной неприязни. Этим, возможно, и объясняются первые неудачи в воссоздании коллапсирующей финансовой системы. В частности, первая попытка организовать на новых началах сметное дело в Казанской губернии с помощью особой комиссии, созванной финансовым советом при казанской казенной палате в марте 1918 г., потерпела неудачу. Комиссия должна была составить общую по Казанской губернии смету доходов и расходов. Однако она не только не сумела рассмотреть 50 смет, переданных на ее заключение, но и не смогла начать полноценную работу [2, д. 75, л. 2].

Планомерное создание советских органов финансового управления началось лишь в сентябре 1918 г. после разгрома чехословацкого мятежа. В это время был создан Финансовый отдел Казанского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губфинотдел). В его составе были сметно-кассовый подотдел, подотделы по прямым налогам и по косвенным налогам, а также секретариат. Эта структура, в целом, соответствовала положениям Декрета об организации финансовых органов губернских и уездных комитетов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, принятом СНК РСФСР в 1918 г. Согласно декрету, не позднее 1 января 1919 г. на всей территории страны вместо упраздненных казенной палаты, акцизного управления создавались финансовые органы местных самоуправлений. Главной целью являлось объединение и направление на местах налогового, кассового и финансового дела, общее руководство им в соответствии с декретами СНК и распоряжениями Наркомата финансов РСФСР [2, д. 17, л. 1, 1 (об)].

При Губфинотделе предусматривалось образование коллегии в составе заведующего, его заместителя, заведующих подотделами, представителей совнархоза и местного учреждения госконтроля. Официальное утверждение руководства казанского Губфинотдела произошло на заседании коллегии 9 декабря 1918 г. Его заведующим стал В.Я. Введенский, заместителем А.С. Гордеев [2, д. 11, л. 24]. Конечно, этому предшествовала большая организационная работа В.Я. Введенского и А.С. Гордеева, которым все же удалось привлечь в Губфинотдел опытных финансистов и экономистов из казенной палаты, акцизного управления и банков. Постепенно началось формирование уездных финотделов.

Таким образом, становление новых финансовых учреждений советского государства шло в очень сложных условиях. Гиперинфляция, отсутствие возможности финансовых заимствований, нехватка профессиональных кадров, проблема непопулярности к новой власти чуть было не привели к полному коллапсу финансовой системы.

Литература:

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36.
2. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 324. Оп. 1.
3. Салихов Р.Р. Хайрутдинов Р.Р., Хайрутдинова Л.Ф. Очерки истории Национального банка Республики Татарстан. Казань: Мастер Лайн, 2000. 200 с.
4. Тагиров И.Р. История государственности Татарстана. XX век. Казань: Гасыр, 2005. 384 с.

References:

1. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 36.

2. Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (dalee – NART). F. 324. Op. 1.
3. Salihov R.R. Hajrutdinov R.R., Hajrutdinova L.F. Oчерки istorii Nacional'nogo banka Respubliki Tatarstan. Kazan': Master Lajn, 2000. 200 s.
4. Tagirov I.R. Istoriya gosudarstvennosti Tatarstana. HH vek. Kazan': Gasyr, 2005. 384 s.

— ● —

Сведения об авторе

Ильдар Завдатович **Гаффаров**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры тароведения и тюркологии, Казанский Приволжский федеральный университет (Казань, Россия).

— ● —

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 930.2+51-77

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XXI ВЕКА

А.В. Грехов, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия), e-mail: grekhov@yandex.ru

Аннотация. В статье дается анализ современной зарубежной историографии, посвященной событиям Великой российской революции. Раскрывается проблема неизбежности двух ее этапов (от «демократии к диктатуре») как явления объективного и исторически закономерного.

Ключевые слова: Великая российская революция, историография, характер революции.

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN THE FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE 21ST CENTURY

Abstract. The modern foreign historiography dedicated to the events of the Great Russian revolution is being analyzed in the article. The problem of inevitability of its two stages (from «democracy to dictatorship») as an objective and historically law-governed phenomenon is being researched.

Keywords: The Great Russian revolution, historiography, character of revolution.

Российская историческая наука в XXI веке переформатировалась на инновационное парадигмальное обоснование концепта «Великая Октябрьская социалистическая революция», что форсированно перенеслось на содержание вузовских и школьных учебников по истории России. Авторы учебников ввели новые понятия и, соответственно, новую терминологию. Революционные события 1917 г. теперь именуется как Великая российская революция, в которой вычлениют два этапа – февральский (Февраль) и октябрьский (Октябрь).

Подобная периодизация имеет право на существование при условии, что концептуальные трансформации не ведут к сущностным подлогам и методологическим изъясам. Научный отказ от двух социальных революций в России – Февральской и Октябрьской, объединение их в одну затушевывает наличие в общественном движении социальных точек бифуркации, которые являют собой момент перехода общества от одного качественно-состояния к другому. Прежняя терминология это учитывала: две революции 1917 г. очень близки хронологически, но, с точки зрения общественно-экономического излома, представляли собой антиподы по признаку «характер революции» (буржуазно-демократический и социалистический).

В обновленной концептуальной трактовке последнего нет, тем самым устраняется субстанциальная характеристика конкретного исторического факта и процесса; преподносится релятивистское в духе современного трансмодернизма обозначение революционного процесса: «от демократии к диктатуре». Великая российская революция трактуется в аспекте деятельности политических партий при абсолютном игнорировании роли и интенций

самых разнородных социальных течений. Замалчивается кардинальный для науки этиологический момент всех социальных революций – вопрос о собственности, детерминирующий весь ход революционного процесса. В итоге характер революции, ее движущие силы, отношения собственности, аккумулирующие причины эпохального скачка от одного этапа революции (Февраля) к другому (Октябрю), выпали из обновленного видения Великой революции.

Что ж, нет пророка в своем Отечестве! Возможно, взгляд со стороны позволит внести ясность в проблему?

Попробуем обратиться к зарубежным историкам, переводные исследования которых о русской революции вышли в свет в XXI веке. В первую очередь, ими отмечается глобальная общецивилизационная значимость революции 1917 г., остающейся центральным событием мировой истории XX в., определившим главные векторы ее развития [6, с. 141; 10, с. 6; 12, с. 12; 13, с. 435; 14, с. 9].

Для зарубежных историков термин «Великая российская революция» не нов, в самых разнообразных трактовках (с преобладанием термина «русская революция») использовался ими изначально при сохранении терминов «Февральская революция» (С. Бэдкок, И. Дойчер, П. Кенез, Э. Лор, Р. Пайпс, Р. Такер, Р. Уорт, П. Холквист, Дж. Хоскинг) и «Октябрьская революция» (И. Дойчер, Э. Каррер д'Анкосс, П. Кенез, Ю. Кока, Ст. Коэн, М. Малиа, А. Рабинович, Р. Такер, Адам Б. Улам, Р. Уорт).

Уяснение вопроса о характере революции для зарубежных историков представляется приоритетным, поскольку они однозначно подчеркивают своеобразие исторической эволюции России, соединившей в себе нарастание индустриального развития, сдерживаемого архаичной политической системой, и сохранение этатистски-общинного менталитета русского народа, основную массу которого составляло патриархально-социалистское крестьянство [9, с. 174]. Именно этим специфическим сочетанием объясняют они вызревание в русской революции не только Февраля, но и Октября. Революция 1917 г., по их мнению, просто не могла остановиться на Феврале. М. Малиа (США) подмечает, что после восстания декабристов в 1825 г. «...революция и социализм в России стали практически синонимами» [8, с. 37]. Пожизненный секретарь Французской академии Э. Каррер д'Анкосс категорично утверждает, что после Февраля «Россия неотвратимо катилась к новой революции...» [4, с. 166], а после корниловского мятежа буржуазная демократия была обречена.

Более того, зарубежные исследователи подмечают, что социалистический вектор российской революции был неизбежен в силу не только направленности его против самодержавной системы (Февраль), но и против западно-индустриального либерализма. Когда перед российским человеком оказался выбор между западным парламентаризмом и традиционно народной формой общинного самоуправления, он выбрал последнее. Американский историк П. Кенез констатирует парадоксальную ситуацию в революционном процессе: сторонники либерального переустройства России, концентрирующиеся вокруг Временного правительства, отстали от хода революционного движения, тонус которому уже задавали народные массы, требующие социальной радикализации реформ. В итоге он зафиксировал провал либерального проекта в революционной России: «Было очевидно, что либеральный и демократический режимы провалились, они не смогли справиться с многочисленными проблемами России» [5, с. 18]. У. Розенберг (США) солидарен, что политика большевиков «по сути, являлась скорее радикальным продолжением, чем революционным разрывом с прошлым» [3, с. 159].

Их соотечественник Э. Пол момент социалистического крена революции после Февраля определил в появлении фабричных комитетов как «неожиданного продукта Февральской революции». Они сформировались в каждом промышленном центре Европейской России, имея самые разнообразные названия (фабричные, заводские комитеты, рабочие советы, советы старейшин), что свидетельствовало о стремлении рабочих «иметь право голоса и в управлении производством» [11, с. 148]. Фактически, это был первый шаг к производственному самоуправлению самих трудящихся. Причем, как подмечает американский историк, лозунг «рабочего контроля» был подхвачен и стал стремительно распространяться по всей России, что подчеркивало массовую социалистичность рабочего сознания и поведения.

От характера, а, значит, и перспектив революционного движения зависела реализация социальных ожиданий его участников. С. Бэдкок, А. Верт, И. Дойчер, Э. Каррер д'Анкосс, Ст. Коэн, Д. Ливен, Р. Пайпс, Дж. Сэнборн, Дж. Хоскинг, Л. Энгельштейн в своих трудах отмечают всевозрастающий накат массового характера революционной стихии, как показатель коммунитарных настроений российского населения.

В данном ракурсе Э. Лор (США) подвергает сомнению приверженность современных российских историков к отказу октябрьскому перевороту в социалистическом характере революционности, к приданию ему статуса дежурного захвата власти с целью установления большевистской диктатуры. «Вовсе не является аномальным то, – пишет он, – что коммунизм XX столетия имел наибольший эффект не в промышленно развитых, а скорее в отстающих странах, выступая в качестве идеологии антиимпериалистического национально-освобождения, т.е. программы мобилизации развивающихся стран против натиска международного капитала и транснациональных корпораций и модели изоляционистского развития экономики» [7, с. 203].

Сущностные проявления развития общества, характер его «развилочного» состояния идентифицирует феномен собственности. Британская исследовательница С. Бэдкок на примере Казанской и Нижегородской губерний революционной эпохи, изучая условия жизни российских обывателей, как причину неудачи «демократической альтернативы» в России выдвинула отторжение, невозможность в 1917 г. «...убедить людей уважать частную собственность...» [2, с. 109]. По ее мнению, монетаристская упёртость правящей элиты вошла в жесткое, неразрешимое противостояние с нежеланием народа поддерживать политический курс Временного правительства, направленный на внедрение в России европейского варианта капитализма. Живущий в США историк О.А. Арин категоричен, что «...капитализм как тотальная политико-экономическая система не соответствует характеру и устроению русского народа, цивилизация которого сформирована на иных политических, экономических и культурных основаниях» [1, с. 108].

Наращение общего революционного катаклизма шло параллельно с ростом напряжения в деревне вокруг вопросов частной собственности на землю. В условиях бездеятельности Временного правительства с лета 1917 г. крестьяне, ментально стремящиеся к уравнительности, самовольно стали захватывать помещичьи земли и уголья, предваряя большевистские декреты о земле. Накануне революционного 1917 г., по мнению Р.С. Уортмана (США), «большинство крестьян по-прежнему претендовали на помещичьи земли», «ожидали конфискации и перераспределения помещичьих имений», «надеялись на "Черный передел"» [15, с. 683].

Подводя итог краткому историографическому обзору, можно заключить, что в трудах, как сторонников ревизионистской трактовки российской революции, так и приверженцев тоталитарной ее модели выявляются объективные исторические факты, свидетельствующие о неизбежности двухэтапности Великой российской революции, как следствии кумулятивного характера естественных, ментальных потребностей российского населения. Показателен вывод А. Рабиновича (США), что «...Октябрьская революция в Петрограде была в меньшей степени военной операцией, а в большей – объективным и постепенным процессом, корни которого крылись в массовой политической культуре...» [12, с. 13]. Учитывая фундаментальные, методологически выверенные наработки зарубежных исследователей о Великой российской революции, особенно в лице «ревизионистского» направления, следует признать, что они, абсорбируясь с интерналистским принципом функционирования исторической науки, внесли позитивный вклад в научное осмысление революционных процессов в России.

Литература:

1. Арин О.А. (Алекс Бэттлер). Правда и вымыслы о царской России: Конец XIX – начало XX века. М.: ЛЕНАНД, 2010. 200 с.
2. Бэдкок С. Переживая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.
3. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 376 с.
4. Каррер д'Анкосс, Э. Ленин / Пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2002. 384 с.
5. Кенез П. Красная атака, белое сопротивление 1917–1918 / пер. К. Никифоров. – М.: Центрполиграф, 2007. 288 с.
6. Лифу Х. (КНР). Почему советские люди «перестали дорожить» советским государством? Централизованная система распределения общественных ресурсов в СССР // Российская история. 2012. № 1. С. 141–147.
7. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
8. Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / Перевод с англ. А. Павлова, Д. Узланера. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 568 с.
9. Нарский И.В. М. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution // Российская история. 2015. № 2. С. 172–177.
10. Петибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905–1918 / Пер. с англ. И.Е. Полоцка. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 319 с.
11. Пол Э. Русские анархисты. 1905–1917 / Пер. с англ. И.Е. Полоцка. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 272 с.
12. Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде / Пер. с англ. И.С. Давидян. М.: АИРО-XXI–Новый хронограф, 2008. 624 с.

13. Себаг-Монтефиоре С. Молодой Сталин / Пер. с англ. Оборин Л. М.: Corpus, АСТ, 2014. 576 с.

14. Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 271 с.

15. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Пер. с англ. И.А. Пильщикова. М.: ОГИ, 2004. 796 с.

References:

1. Arin O.A. (Aleks Bjettler). Pravda i vymysly o carskoj Rossii: Konec XIX – nachalo XX veka. M.: LENAND, 2010. 200 s.

2. Bjedkok S. Perezhivaja istoriju rossijskoj revoljucii: 1917 god v provincii // Otechestvennaja istorija. 2007. № 4. S. 103–112.

3. Gosudarstvo nacij: Imperija i nacional'noe stroitel'stvo v jepohu Lenina i Stalina / pod red. R.G. Suni, T. Martina; [per. s angl. V.I. Matuzovoj]. M.: ROSSPJeN; Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina», 2011. 376 s.

4. Karrer d'Ankoss, Je. Lenin / Per. s franc. M.: ROSSPJeN, 2002. 384 s.

5. Kenez P. Krasnaja ataka, beloe soprotivlenie 1917–1918 / per. K. Nikiforov. – M.: Centrpoligraf, 2007. 288 s.

6. Lifu H. (KNR). Pochemu sovetskie ljudi «perestali dorozhit'» sovetskim gosudarstvom? Centralizovannaja sistema raspredelenija obshhestvennyh resursov v SSSR // Rossijskaja istorija. – 2012. – № 1. – S. 141–147.

7. Lor Je. Russkij nacionalizm i Rossijskaja imperija: Kampanija protiv «vrazheskih poddannyh» v gody Pervoj mirovoj vojny / per. s angl. V. Makarova. M.: Novoe litera-turnoe obozrenie, 2012. 304 s.

8. Malia M. Aleksandr Gercen i proishozhdenie russkogo socializma. 1812–1855 / Perevod s angl. A. Pavlova, D. Uzlanera. M.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2010. 568 s.

9. Narskij I.V. M. Hildermeier. Gecshichte Ruslands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution // Rossijskaja istorija. 2015. № 2. S. 172–177.

10. Petibridzh R. Russkaja revoljucija glazami sovremennikov. Memuary pobeditelej i pobezhdennyh. 1905–1918 / Per. s angl. I.E. Polocka. M.: ZAO Centrpoligraf, 2006. 319 s.

11. Pol Je. Russkie anarhisty. 1905–1917 / Per. s angl. I.E. Polocka. M.: ZAO Centrpoligraf, 2006. 272 s.

12. Rabinovich A. Bol'sheviki u vlasti. Pervyj god sovetskoj jepohi v Petrograde / Per. s angl. I.S. Davidjan. M.: AIRO-XXI–Novyj hronograf, 2008. 624 s.

13. Sebag-Montefiore S. Molodoj Stalin / Per. s angl. Oborin L. M.: Corpus, AST, 2014. 576 s.

14. Uort R. Antanta i russkaja revoljucija. 1917–1918 / Per. s angl. L.A. Igorevskogo. M.: ZAO Centrpoligraf, 2006. 271 s.

15. Uortman R.S. Scenarii vlasti: Mify i ceremonii ruskoj monarhii. V 2 t. Т. 2: Ot Aleksandra II do otrechenija Nikolaja II / Per. s angl. I.A. Pil'shnikova. M.: OGI, 2004. 796 s.

Сведения об авторе

Александр Васильевич **Грехов**, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 94(470)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК КАТАЛИЗАТОР ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.Н. Кежутин, Нижегородская государственная медицинская академия
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: kezhutin@rambler.ru

Аннотация. Предметом анализа данной статьи является отношение представителей российской военно-медицинской общественности к Первой мировой войне и ее влиянию на революционные события 1917 г. Представлены взгляды отечественных медиков по проблеме.

Ключевые слова: Великая Российская революция, Первая мировая война, военно-медицинская общественность, Российская империя.

THE FIRST WORLD WAR AS THE CATALYST OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION

Abstract. The author describes the attitude of the military medical community in correlation with The First World War and The Revolution in 1917, presents the views of the most active members of medical community about the problem.

Keywords: The Great Russian Revolution, The First World War, military medical community, Russian Empire.

В советской историографии проблема восприятия врачами Первой мировой войны и ее влияния на события Великой Российской революции традиционно рассматривалась через призму их собственной политической позиции, выраженной как на общероссийских Пироговских съездах, так и в периодической печати [3, с. 141]. Источники личного происхождения передовых врачей-общественников, занимавших оппозиционную позицию по отношению к царской власти, а затем – к советской, часто оставались не введенными в научный оборот. Публикация в последние годы ряда ранее не известных широкой общественности мемуаров, воспоминаний, дневников и писем выдающихся отечественных врачей позволяет, до некоторой степени, конкретизировать данный вопрос.

В качестве одной из предпосылок революции традиционно рассматривается неудачная для России Первая мировая война. Источники личного происхождения врачей А.И. Замятина, И.О. Свионтецкого, Л.Н. Войтоловского, В.П. Кравкова, Е.С. Боткина со всей очевидностью показывают отношение медицинского сообщества не только к самой войне, ее причинам, ходу и поражениям, но и ко многим институтам дореволюционного периода.

Дневниковые записи, письма предвоенных лет и первых месяцев войны показывают, что лейтмотивом авторских впечатлений было осознание ненужности грядущего конфликта для России, предчувствие его пагубности для страны. Постоянной была апелляция к опыту минувшей Русско-Японской войны. Наиболее емко из указанных авторов эту идею выразил в августе 1914 г. корпусной врач XXV армейского корпуса тайный советник (соответствовал генерал-лейтенанту) В.П. Кравков: «Но как ни тяжело мне братья за перо – не могу я молчать,

ч[то]б[ы] хотя в слабых штрихах не отмечать всей бездны вставшей передо мной теперь кошмарной действительности, превзошедшей организационным развалом, моральной распыленностью и умственным оупением высшего командного состава даже и то, что мне пришлось видеть в злополучные дни минувшей кампании» [4, с. 24].

Аналогичную позицию о явной неготовности России к войне высказывал даже царский лейб-медик Е.С. Боткин; в одном из предвоенных писем детям он писал: «При этом представь себе наш флот! ...Теперь мы потеряли флот в честном бою, и нас жалеют, а если бы он был таким, каким его описывают, над нами бы смеялись. Мы отстали не сейчас вследствие гибели нашего флота, а когда-то раньше, много раньше» [5, с. 449–450].

Необходимо отметить, что передовые врачи – участники войны 1904–1905 гг. находились на сходных позициях. Так, известный писатель и врач В.В. Вересаев отмечал: «...война всем была непонятна своею ненужностью... (<...> Такое впечатление производила и Россия: война была ей не нужна, непонятна, но весь ее огромный организм трепетал от охватившего его могучего подъема» [1, с. 6].

Как известно, патриотический подъем населения достаточно быстро сошел на нет после первых же крупных поражений 1914 г., которые на практике подтвердили худшие предчувствия патриотически настроенной, но трезво мыслящей интеллигенции. Следующий год войны характеризовался масштабным отступлением русской армии, участниками которого стали и медики. Бригадный врач Л.Н. Войтоловский описал картину всеобщего хаоса и бегства: «Задыхаясь от ненависти и страха, занятые только мыслями о собственной жизни, с неистовым воем мчатся, обгоняя друг друга, грузовики, мотоциклетки, автомобили, велосипеды. За ними во весь опор несутся артиллерийские повозки, зарядные ящики, двуколки, лазаретные линейки, пулеметные роты. Извиваясь между возами, скачут конные – в одиночку и целыми эскадронами» [2, с. 390].

Брусиловский прорыв и другие успешные операции не могли решительно повлиять на отношение медицинской общественности к существовавшему режиму, окончательно дискредитировавшему себя в глазах медицинской интеллигенции как военными неудачами, так и внутренними язвами – бюрократизмом, коррупцией, воровством чиновников в самых широких размерах. Военные врачи с воодушевлением и надеждой восприняли Февральскую революцию 1917 г. В.П. Кравков в марте 1917 г. писал: «Готов кувыряться! Все мы ходим теперь именинниками. Теперь можно сказать, что «слава Богу, у нас имеется даже парламент». Полицейски-приказной режим, постыдно сгнивши, рушился. Пролилось много крови, ч[то]б[ы] раздавить эту гнусную гадину; теперь всякий из нас будет проливать кровь уже с определенным сознанием – за матушку-родину!» [2, с. 293].

Монархически настроенная часть врачей иначе смотрела на эти события. Е.С. Боткин писал сыну: «...я, по всей вероятности, окончательно перейду на штатское платье, что очень советую тебе сделать безотлагательно. Вряд ли тебя теперь будут удерживать на службе, т.к. теперь офицеров равняют с солдатами и даже не избранных в ротные, батальонные и другие командиры прямо разжаловывают в солдаты...» [5, с. 487].

Результаты «революционных перемен» быстро заглушили восторг даже таких сторонников преобразований, как В.П. Кравков. В июле 1917 г. он размышлял: «Знаменательной и беспримерной останется на страницах всемирной истории наша "русская революция" по своей дремучей глупости... Ничего-то в ней не выявилось оригинального, кроме только одной пошехонщины! Бюрократическая самодержавная сволочь прежнего режима сменилась самодержавной ...хамократической сволочью нового режима» [4, с. 349].

Такие настроения говорили о моральной готовности военных врачей к новым, более радикальным переменам.

Таким образом, источники личного происхождения российских военных врачей дают обширный материал для анализа психологического состояния и социального самочувствия военно-медицинской общественности и позволяют дополнить картину предреволюционного состояния российского общества.

Литература:

1. Вересаев В.В. На японской войне. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. 384 с.
2. Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс: По следам войны. М.: Воениздат, 1998. 430 с.
3. Ефремов А.Ф. Овсянников В.Н. Правовые и моральные нормы в деятельности советского врача // Этические проблемы медицины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1967. С. 137–153.
4. Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с.
5. Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О.Т. Ковалевская – СПб.: Царское Дело, 2014. 536 с.

References:

1. Veresaev V.V. Na japonskoj vojne. SPb.: Izdatel'skaja gruppa «Lenizdat», «Komanda A», 2014. 384 s.
2. Vojtolovskij L.N. Vshodil krovavij Mars: Po sledam vojny. M.: Voenizdat, 1998. 430 s.
3. Efremov A.F. Ovsjannikov V.N. Pravovye i moral'nye normy v dejatel'nosti sovetskogo vracha // Etiticheskie problemy mediciny. Gor'kij: Volgo-Vjatskoe knizhnoe izda-tel'stvo, 1967. S. 137–153.
4. Kravkov V.P. Velikaja vojna bez retushi. Zapiski korpusnogo vracha. M.: Veche, 2014. 416 s.
5. Carskij lejv-medik: zhizn' i podvig Evgenija Botkina / Sost. O.T. Kovalevskaja – SPb.: Carskoe Delo, 2014. 536 s.

Сведения об авторе

Андрей Николаевич **Кежутин**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 93/94 (47)

РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 ГГ. КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДА К СТАНОВЛЕНИЮ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Б.И. Королев, Российский государственный университет правосудия (Нижний Новгород, Россия), e-mail: korolev-boris@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль революции 1905–1907 гг. в развитии гражданского общества и правового государства в России. Данный процесс был обусловлен борьбой общественности с монархическим режимом за ограничение власти императора, связан с деятельностью общественных организаций, с прессой. Автор изучает влияние революции 1905–1907 гг. на генезис гражданского общества и правового государства в российской действительности начала XX века.

Ключевые слова: революция, гражданское общество, правовое государство, конституция, общественные организации, периодическая печать.

THE REVOLUTION OF 1905–1907 AS AN INCENTIVE TO THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY AND THE TRANSITION TO THE FORMATION OF A LEGAL STATE IN RUSSIA

Abstract. The article discusses the role of the revolution of 1905–1907 in the development of civil society and the rule of law in Russia at the beginning of the twentieth century. This process was driven by the public struggle against the monarchist regime of limiting the power of the emperor is related to the activities of non-governmental organizations, the media. The author examines the influence of the revolution of 1905–1907 on the genesis of the civil society and the rule of law in the Russian reality of the early twentieth century.

Keywords: revolution, civil society, rule of law, the constitution, civil society organizations, periodicals.

В эпоху «цветных» революций полезно обратиться к отечественному историческому опыту революционных событий, их влиянию на политическую жизнь и развитие правосознания населения. Кроме роли и значения революции 1905–1907 гг. в становлении правового государства и гражданского общества в России, актуальным остается вопрос об ответственности адептов революции за «судьбы Родины».

Формирование политического сознания отечественного гражданского общества происходило в условиях реформ и контрреформ второй половины XIX в., подъема освободительного общественного движения на рубеже XIX–XX вв. Именно в условиях революции 1905–1907 гг. была реализована цель освободительного движения начала XX века – добиться введения конституции, создания народного представительства в России. Подъем земского освободительного движения в рамках революции был вызван нежеланием власти проводить реформы по ограничению абсолютной власти императора и ликвидации других феодальных пережитков, неудачами русской армии в русско-японской войне 1904–1905 гг.,

распространением западноевропейских конституционных идей, решением земских съездов.

Революция 1905–1907 гг. стала стимулом и условием развития политического сознания населения, способствовала его реализации в условиях давления «общественности» на историческую власть «снизу». Термин «общественность» подразумевал «образованное общество», которое противопоставлялось чиновникам. «Общество» не являлось правовой категорией, к нему причисляли обладателей определенного имущества, образованных людей. «Общество» было незначительно, отделяло себя от «народа», отличаясь оппозиционной манерой поведения [6, с. 69, 77]. Сферу общественного мнения, как самостоятельную силу, часто открыто противопоставляли государственной (официальной) точке зрения, выражая представление о двух конкурировавших источниках власти – исторической государственной власти и авторитета гражданского общества. Генезис политического сознания образованного элемента нарушал баланс между царской администрацией и обществом, позволяя последней претендовать на роль альтернативы власти.

Средствами развития гражданского общества и реализации его политического сознания в России являлись: становление независимой внесловной коммерческой прессы; практика земского местного самоуправления; заимствование западноевропейских конституционных идей; деятельность многочисленных общественных, земских, сословных организаций. К 1905 г. «общественность» стали прочно ассоциировать с общественным мнением, с критически настроенной пишущей и читающей публикой, с земской интеллигенцией, с правым, доступным судом. В новых политических условиях пресса объединяла образованные слои общества; институт земства был в известной степени независим от центрального правительства, участвовал в общественной жизни; скорый, гласный и открытый суд позволял разрешать социальные деликты. Земская и городская образованная общественность приветствовала отмену предварительной цензуры в условиях революции 1905–1907 гг.

В начале XX в. под гражданским обществом понималось общественное единство, спонтанно слагающееся из вольного сотрудничества, из соглашения отдельных членов общества, т.е. свободное взаимодействие индивидов на основе общественного единства. Исследователи подчеркивают важность в России таких структур, как церковь, семья, община, добровольные объединения – посредников между индивидом и государством. Общественные организации являлись одной из основ гражданского общества. Формируя «публичную сферу», они предоставляли возможности обмена опытом различных слоев населения, «цементируя» общество. Революция 1905–1907 гг. способствовала всплеску популярности общественных организаций, их формированию, влиянию на общественное мнение посредством принятых решений, выраженных через печать.

На основе анализа публикаций либеральных периодических изданий («Волгарь», «Нижегородская земская газета», «Нижегородский листок») за 1905–1907 гг. выделим несколько типов общероссийских и региональных организаций (на примере Нижегородской губернии), гласные которых обсуждали конституционные идеи, высказывали свои представления: общероссийские, губернские земские и городские организации (Земские съезды, Городская Дума, Губернские и уездные земские управы и собрания); профессиональные организации (Собрание приказчиков, Биржевые комитеты, Съезд представителей биржевых комитетов); региональные партийные организации (местный комитет кадетов, конституционно-демократический клуб, местное бюро октябристов, местный комитет умеренно-прогрессивной партии, Партия «Белого знамени» (комитет СРН), предвыборные со-

брания различных партий); сословные организации (Дворянские собрания, Всесословный клуб, Собрания мещан, Крестьянский съезд); Государственная Дума и Общество распространения начального образования. Так, именно через региональные земские собрания «Союз Освобождения» в октябре 1904 г. стремился провести политическую резолюцию о необходимости конституции.

Под конституционными идеями и представлениями понимали необходимость конституции, определение статуса и функций представительного органа и установление справедливой избирательной системы, обеспечение правового статуса личности. Реализация в российской политической практике конституционных идей должна была обеспечить переход к правовому государству.

Перспективы перехода к буржуазной монархии были связаны как с общественным, так и правительственным конституционализмом. Выражением правительственной и общественной форм конституционализма стали требования съездов городских и земских деятелей, Союза земцев-конституционалистов, Союза Освобождения 1905 г. Земское движение к 1905 г. выросло в политическую силу, вступившую в борьбу за конституцию [2, с. 77–152; 5, с. 111]. «Освобожденцами» и «земцами-конституционалистами» было представлено несколько конституционных проектов: «Основной Государственный Закон Российской Империи» группы членов «Союза Освобождения» (В.М. и И.В. Гессены, П.И. Новгородцев, Ф.Ф. Кокошкин и другие – октябрь 1904 г.); «Проект Основного и Избирательного Законов» С.А. Муромцева и Ф.Ф. Кокошкина (июль 1905 г.) [1, с. 283–300, 304–371; 3, с. 11]. С изданием манифеста 17 октября 1905 г. образованная либеральная общественность стала отождествлять манифест с конституцией, формируются политические партии. Так, съезд созданной конституционно-демократической партии (5–11 января 1906 г.) потребовал законодательных прав для Думы, всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права [1, с. 372–373; 2, с. 566–576; 6, с. 106–107].

Царское правительство в условиях революции разработало Положение о выборах в Государственную Думу 1905 г., издало манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г., избирательный закон 11 декабря 1905 г., Учреждение Государственной Думы, Учреждение Государственного Совета 20 февраля 1906 г. Итогом стали Основные законы 23 апреля 1906 г. Как продукт правительственного конституционализма (октроированный способ издания), они внесли дуализм в распределение полномочий между правительством, Государственной Думой при сильной власти императора. Их появление усугубило оппозиционные настроения депутатов Думы. В дальнейшем историческая власть стремилась минимизировать или вообще отказаться от изменений в период революции. Спад революции, перенесение дискуссии о государственном строе в Думу повлияли на отношение власти к «уступкам» в пользу общественности. Так, исследователь А.Н. Медушевский считает: первоначально всеми крупнейшими революциями, и в России в 1905 г., провозглашался подлинный конституционализм, который в ходе самих революций постепенно сползал к мнимому [3, с. 11].

В годы революции возникли институты, связывающие государство и личность: политические партии, партийная агитация, выборы в Думу, общественные организации и объединения (земские и городские, сословные и межсословные, религиозные и культурные). Партии активно использовали избирательные технологии: составление партийных избирательных списков, проведение предвыборных собраний. Это способствовало росту политического сознания населения в условиях протестных настроений образованной обществен-

ности по отношению к власти. Представители общественности одновременно состояли в различных партиях. Так, в Нижегородской губернии земского деятеля Е.М. Ещина, издателя «Нижегородского листка», в Департаменте Полиции относили к членам партии социалистов-революционеров и партии кадетов [4, с. 153–165, 228–230; 7, л. 79–81; л. 80–90].

Итак, в России в 1905–1907 гг. стал возможен переход к правовому государству, как компромиссу между властью и обществом. Революция подтолкнула процесс становления правового государства и развития гражданского общества. После революции 1905 г. реальность и «гражданское общество» разошлись: либеральные партии, выросшие из земства, оказались не в состоянии воздействовать на большую часть населения страны. Элементы «гражданского общества» развивались в России вплоть до 1917 года.

Литература:

1. Конституционное право России. Основные законы, конституции и документы XVIII–XX веков. Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов. Новосибирск: ООО Издательство ЮКЭА, 2000. 680 с.
2. Либеральное движение в России. 1902–1905 / Сост. Д.Б. Павлов. М: РОССПЭН, 2001. 648 с.
3. Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 6. С. 3–14.
4. Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв.: учебное пособие в 2 т. / Автор-составитель Г.В. Набатов. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2001. Т. 1. 262 с.
5. Савельев А.А. Земство и власть. Из истории местного самоуправления в России. Арзамас: АГПИ, 1995. 381 с.
6. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1–3. / Т. 1: 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 742 с.
7. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 918. Оп. 8. Д. 373, 443.

References:

1. Konstitucionnoe pravo Rossii. Osnovnye zakony, konstitucii i dokumenty XVIII–XX vekov. Hrestomatija / Sost. A.P. Ugrovatov. Novosibirsk: ООО Izdatel'stvo JuKJeA, 2000. 680 s.
2. Liberal'noe dvizhenie v Rossii. 1902–1905 / Sost. D.B. Pavlov. M: ROSSPJeN, 2001. 648 s.
3. Medushevskij A.N. Konstitucionnye proekty russkogo liberalizma i ego politicheskaja strategija // Voprosy istorii. 1996. № 6. S. 3–14.
4. Obshhestvenno-politicheskie processy, partii i dvizhenija v Nizhegorodskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv.: uchebnoe posobie v 2 t. / Avtor-sostavitel' G.V. Nabatov. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2001. T. 1. 262 s.
5. Savel'ev A.A. Zemstvo i vlast'. Iz istorii mestnogo samoupravlenija v Rossii. Arzamas: AGPI, 1995. 381 s.
6. Sezdy i konferencii konstitucionno-demokraticheskoj partii. T. 1–3. / T. 1: 1905–1907 gg. M.: ROSSPJeN, 1997. 742 s.
7. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F. 918. Op. 8. D. 373, 443.

Сведения об авторе

Борис Иванович **Королев**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства, права и судебной власти, Российский государственный университет правосудия (Нижний Новгород, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 93/94

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ» КАК ИДЕОЛОГЕМА В СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ПРАКТИКЕ КОНЦА 1920 – НАЧАЛА 1930 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА») ¹

А.И. Маслова, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия),
e-mail: maslovaanzhelika@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию идеологемы «экономическая контрреволюция», использовавшейся советской пропагандой в целях закрепления в массовом сознании стереотипа революционной борьбы. «Экономическая контрреволюция» и связанные с данным понятием многочисленные создававшиеся пропагандой «образы врага» рассматриваются в качестве основных имитационных практик негативной мобилизации, направленных на консолидацию социума.

Ключевые слова: «экономическая контрреволюция», образ «врага».

«ECONOMIC COUNTER-REVOLUTION» AS AN IDEOLOGEME OF STALINIST POLICY AND PRACTICES OF LATE 1920s – EARLY 1930s (BASED ON THE «PRAVDA»)

Abstract. This article is devoted to researching the ideologeme the «economic counter-revolution», which was used by soviet propaganda to fix the stereotype of the revolutionary struggle in the collective consciousness. «Economic counter-revolution» and many «enemy images» connected with this concept created by the propaganda are considered as basic simulation practices of negative mobilization, which aimed at consolidation of society.

Keywords: «economic counter-revolution», «enemy image».

История советского государства на протяжении всего периода его существования была тесно связана с понятием «революция». Поддержание в массовом сознании идеологемы революционной борьбы на пути к социализму являлось важным элементом политики большевистского/сталинского руководства. Революционный энтузиазм широких масс трудящихся считался неиссякаемым источником для построения советского государства и общества. При этом консолидация социума, как правило, осуществлялась на основе конфликтной мобилизации, где ядром выступал образ «врага». На протяжении 1920–1930-х гг. советская пропаганда выстроила целую плеяду образов «врага», как потенциальных, так и мифических. Настоящая статья посвящена рассмотрению феномена «экономической контрреволюции» (здесь и далее данный ключевой термин нами закавычен, учитывая природу его использования в сталинской политике и практике) в его пропагандистском изображении в хронологических рамках конца 1920 – начала 1930-х гг. В качестве рабочей гипотезы выдвигается положение о том, что одним из целевых назначений мифологемы «экономической контрреволюции» было закрепление в массовом сознании стереотипа

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 14-01-00101а).

продолжавшейся революционной борьбы, который, в свою очередь, служил инструментом многочисленных социальных мобилизаций того времени.

Понятие «экономическая контрреволюция» впервые начинает широко употребляться пропагандой в связи с Шахтинским судебным процессом 1928 г. С этого времени «экономическая контрреволюция» целенаправленно закреплялась в массовом сознании, проецируясь сразу на две сферы – политическую и экономическую [1, с. 137]. Употребление понятия «революция» с приставкой «контр-» отражает устоявшуюся к тому времени модель негативной мобилизации, которая действовала с помощью создания и внедрения в массовое сознание многоуровневых угроз, образов «врага».

Шахтинский судебный процесс над «вредителями» Донбасса сопровождался массивной пропагандистской кампанией и, хотя цели суда были весьма прагматичны, основная ставка делалась на субъективный фактор – вызвать у рабочих, прежде всего, социальный и политический активизм для поддержки большевистской власти, видевшийся Сталиным залогом выхода из кризиса, экономического и политического. Выдвижение против избранного руководством страны в качестве опаснейшего идеологического противника – «старого» инженерства – фальсифицированных обвинений свидетельствовало о том, что показательный суд проводился с целью манипуляции рабочей аудитории, в немалой степени, еще питавшейся настроениями и ожиданиями «социальной справедливости», «социального реванша», что сопровождалось недоверием и недовольством по отношению к «бывшим спецам», сохранившим и после революции более высокий, нежели у рабочих, статус и условия жизни. В широком смысле, назначение «экономической контрреволюции» состояло в формировании образа «классового врага» и воспроизведении модели, при которой рабочие (по марксизму, класс-гегемон) противостоят «классу эксплуататоров» (роль своего рода квази-класса в данном случае призвано было сыграть «старое», «буржуазное» инженерство). В итоге происходило имитационное воспроизведение классовой борьбы, но теперь уже в новой, видоизмененной форме. Неслучайно, что Сталин в самый пик подготовки и проведения Шахтинского процесса выдвинул тезис о «дальнейшем обострении классовой борьбы» и появлении новых ее разновидностей (в том числе в экономике). Еще несколько позднее, в 1929 г., он назвал начавшиеся преобразования в деревне (коллективизацию) настоящей социальной революцией, получающей массовую поддержку «снизу». Так, идеологемы «революция» и «контрреволюция» вновь стали системообразующими в пропагандистских кампаниях.

Еще более рельефно вышеописанная имитация революционной борьбы, рассчитанная на массовое сознание, прослеживается в 1930 г., когда проводится очередная кампания над «старыми спецами-вредителями», выведенными на следующий показательный судебный процесс по т.н. делу «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.). В кампании 1930 г. «экономическая контрреволюция» приобретает более высокую степень политизированности и устрашения, чем двумя годами ранее: представители «старого» инженерства обвиняются уже не только во «вредительстве», но также в «шпионаже и подготовке военной интервенции» совместно с руководством западных держав и эмигрировавшими российскими капиталистами (соответствующие показания были даны арестованными по делу «Промпартии» инженерами Л.К. Рамзиным, В.А. Ларичевым и др.).

Впервые концепцию взаимосвязи «вредительства» («экономической контрреволюции») и «военной интервенции» изложил Г.М. Кржижановский в опубликованном в «Правде» в начале 1930 г. очерке «Вредительство как оно есть» [2], обозначая, таким образом,

новое качество «контрреволюционности» как соединение двух угроз – угрозу извне и изнутри. Впоследствии образы «внешних» и «внутренних» «врагов» дифференцировались и конкретизировались. Пропагандистская кампания вокруг судебного процесса «Промпартии» имела отчетливую тенденцию к дифференциации «вражеских» образов, что прослеживается на материалах советской газетной периодики того времени. Кампания сопровождалась многообразным изобразительным материалом (фотографиями, зарисовками, карикатурами), призванным максимально актуализировать и придать образность «контрреволюции». Далее будут описываться результаты контент-анализа изобразительного материала, что позволит рассмотреть внутреннее содержание идеологемы «экономическая контрреволюция», а именно то, с помощью каких образов (негативных и консолидирующих) передавалась и закреплялась данная идеологема.

Обработка изобразительного материала проводилась с помощью метода контент-анализа; за единицу счета взято одно изображение. Общее количество изобразительных единиц в газете «Правда» (с 12 ноября по 20 декабря 1930 г., что соответствует хронологическим рамкам проводимой кампании) составляет 124 единицы, из них карикатур – 51 (остальное число приходится на фотографии и зарисовки). Учитывая ограниченные рамки статьи, в дальнейшем нами анализировались только карикатурные изображения. Контент-анализ данного жанра изобразительного материала в центральной партийной газете показывает, что среди карикатур, наглядно рисующих образ «врага», по типу преобладали *типовые* и одновременно *сложные* изображения (24 из 51). Это означает, что на половине карикатурных изображений «враг» представлялся при помощи одновременно нескольких образов – (в частности, одна карикатура вмещала в себя образы и «французского интервента», и «спеца-вредителя», и «русского капиталиста-эмигранта»). Характерно, что часть персонажей была поименована (французская сторона изображалась через фигуры конкретных политиков – Бриан, Пуанкаре; то же «вредители» – Рамзин и т.д.). При этом большинство изображений *одномерны* по своему целеполаганию, т.е. в них заложен только один смысл (как правило, они символизируют либо «угрозу врага», либо «подавление врага»). Другая часть карикатур представлена *простыми* образами (13 из 51), когда та или иная карикатура посвящена изображению только одного «врага», как правило, в деперсонифицированном, без поименования, виде (карикатурные изображения передают образ «врага» абстрактно – «интервент», «вредитель»). Так, анализ одного из сегментов пропаганды (изобразительного материала) показывает, что в идеологеме «экономической контрреволюции» было заложено несколько смысловых значений, с одной стороны, связанных с обозначением «внутреннего врага», на которого перекладывалась вина за трудности индустриализации, с другой стороны, «врага внешнего», за счет чего искусственно еще более повышался уровень «угроз».

Консолидирующим ядром позитивной мобилизации, одновременно внедрявшимся в советское массовое сознание, являлась запущенная Сталиным в 1930 г. концепция «социалистического наступления на всех фронтах» в сочетании с пропагандой достижений рабочего класса. Развертывание в советской пропаганде концепции «социалистического наступления» проводилось через противопоставление по линии «свой – чужой», что создавало эффект нарастающей остроты классового противостояния, в сущности же, все сводилось к нагнетанию в обществе социального напряжения. Возвращаясь к контент-анализу изобразительного материала газеты «Правда» (кампания октября–ноября 1930 г.), следует отметить наличие блока карикатур *бинарного типа*, изображающих символику противостояния

двух систем – капитализма с многоликими и агрессивными «вражескими» образами и социализма с исключительно положительным образом рабочего, однако карикатуры этого типа встречаются в «Правде» гораздо реже (14 из 51). При этом просматривается общность приема: консолидирующий образ на всех карикатурах бинарного типа изображен просто и передан через фигуру одного мощного рабочего, который противостоит множеству более мелких по масштабу «врагов».

Преобладание одномерных образов «врага» говорит в пользу того, что пропагандистская кампания ноября–декабря 1930 г., посвященная разоблачению «экономической контрреволюции», проводилась на конфронтационной основе, делая основной акцент на многоликости образа «врага», которому противостоит мощный, консолидированный, монолитный пролетариат. В некоторых карикатурах обозначаются через символику образы Красной Армии, защитницы революции. При этом значительная часть изображений содержит эмоциональный окрас карикатур, когда большинство из них изображает врага разоблаченным/подавленным, чем достигается эффект превосходства «революционного» начала над «контрреволюционным».

Таким образом, советская пропаганда рубежа 1920–1930-х гг., выстроенная на стереотипных, как правило, мифических пропагандистских установках, к числу которых относится и «экономическая контрреволюция», была направлена на поддержание в массовом сознании общей картины революционности, классовой борьбы, используя для этого имитационные практики, связанные с созданием разнообразных – простых и сложных – образов «врага», которому противостоит мощь народа и его «революционной» власти.

Литература:

1. Красильников С.А. Интеллигенция в большевистской системе социальной мобилизации: опыт и цена 1928 года // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики: сб. науч. ст. / под ред. С.А. Красильникова. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2011. С. 131–150.
2. Кржижановский Г.М. Вредительство как оно есть // Правда. 1930. 11 февр.

References:

1. Krasil'nikov S.A. Intelligencija v bol'shevistskoj sisteme social'noj mobilizacii: opyt i cena 1928 goda // Social'naja mobilizacija v stalinskom obshhestve: instituty, mehanizmy, praktiki: sb. nauch. st. / pod red. S.A. Krasil'nikova. Vyp. 1. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. un-ta, 2011. S. 131–150.
2. Krzhizhanovskij G.M. Vreditel'stvo kak ono est' // Pravda. 1930. 11 fevr.

Сведения об авторе

Анжелина Игоревна **Маслова**, магистрант кафедры отечественной истории, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 94.47 (1917–1918)

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ (1917–1918)

А.В. Медведев, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: medvedev_46@mail.ru

Аннотация. Показано, что в России в 1902 г. из-за сильного голода началось крестьянское движение, которое можно назвать крестьянской революцией. Осенью 1917 г. вспыхнуло крестьянское восстание, которое способствовало победе Октябрьской революции и аграрной революции в пользу общинного крестьянства.

Ключевые слова: крестьянское движение, крестьянская революция, социализация земли.

THE PEASANT REVOLUTION IN RUSSIA (1917–1918)

Abstract. At the beginning of the twentieth century famine in Russia provoked the peasant movement that some historians consider as a peasant revolution. During the fall of 1917, the peasant uprising in Russia contributed to the success of the October Revolution and subsequent agrarian transformation of the country.

Keywords: peasant movement, peasant revolution, socialization of land.

Правомерно ли использовать термин «крестьянская революция»? В советской историографии использовались понятия «крестьянское движение», «крестьянское восстание», «крестьянская война». Рассеянное и разбросанное по территории крестьянство не может одержать победу, оно нуждается в руководителе, в качестве которого выступает буржуазия или рабочий класс. Поэтому можно говорить о крестьянской революции, но как составной части буржуазно-демократической или социалистической революций. Некоторые западные историки-аграрники считают, что в России в 1902–1922 гг. происходила крестьянская революция [11, с. 151–152]. Мы согласны с этой точкой зрения с приведенной выше оговоркой.

Крестьянская реформа 1861 г. не решила аграрно-крестьянский вопрос. Помещики максимально обеспечили свои интересы, оставив крестьянам минимум земли. Ввиду роста населения деревни сокращались земельные наделы крестьян. Так, в 1877 г. меньше 8 десятин земли имели 28,6% крестьянских дворов, в 1905 – уже 50% [1, с. 186]. В пореформенной России шел процесс расслоения крестьян: 65% составляла беднота, 15% – середняки, 20% – кулаки. Вторая и первая группы существовали за счет своего хозяйства, а беднота сводила концы с концами за счет приработок на стороне, они превращалась в полу-пролетариев.

Сельское хозяйство в России велось в зоне рискованного земледелия, из-за засух, других природных бедствий регулярно случались недороды и голодовки крестьян. За тысячу с лишним лет было 433 голодных года [4, с. 490]. Капитализм не решил эту проблему. Душевое потребление зерна в пищу с 1800–1809 гг. по 1900–1911 гг. уменьшилось с 390 до 268–289 кг и упало ниже физиологического уровня (289 кг) [7, с. 77]. В 1851–1901 гг. в России 40 лет были неурожайными. Особенно страшными были 1891–1892, 1901–1903, 1911–

1912 г., когда от голода умерло соответственно 2; 3; и 2 млн. человек, крестьян прежде всего [8]. Беднота недоедала ежегодно, середняки – в голодные годы. При этом хлеб из России вывозился по принципу «недоедим, но вывезем», в том числе в голодные годы [3, с. 105]. Это было в интересах крупных производителей хлеба, помещиков и кулаков.

После голодовки начала XX в. многотерпеливое российское крестьянство восстало, с 1902 г. началось крестьянское движение. Крестьянская революция развернулась в 1905–1907 гг., но режим выстоял, и крестьянство добилось только отмены выкупных платежей с 1 января 1907 г.

По крестьянской реформе 1861 г. была сохранена крестьянская община. Она играла роль организатора крестьянского движения во время Первой русской революции. Решения громить помещичьи имения принимались на сельских сходах, и грабить имения крестьяне выходили всем селом. Вот почему большинство помещиков стало настаивать на ликвидации общины, т.к. она не прививает «священного чувства частной собственности». Их волю и выражал П.А. Столыпин, начавший аграрную реформу, направленную на ликвидацию общинного землепользования и утверждение частной собственности на землю для крестьян.

Реформа Столыпина осуществлялась вопреки интересам большинства крестьян. Профессор Л.Т. Сенчакова изучила 664 наказа и приговора крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Она отмечает, что общим требованием крестьян была отмена частной собственности на землю и переход ее к тем, кто сам на ней трудится. Не было ни одного приговора, в котором поддерживались бы столыпинская реформа и частная собственность на землю. Крестьянские наказы выражали идею равенства и справедливости, общим было требование уравнительного передела всей земли по трудовой норме [10, с. 58–67]. В.И. Ленин писал, что крестьяне не понимают последствий уравнительного передела земли. Землю есть нельзя, чтобы она кормила, нужны деньги, инвентарь, семена. Этого не было у бедных крестьян, они будут вынуждены брать все это в долг у кулаков и попадут в кабалу к ним [5; т. 6, с. 396–399; т. 12, с. 96].

Крестьяне в массе своей противились столыпинской реформе. Они понимали, что в индивидуальном хозяйстве не выдержат конкуренции, разорятся. Город и промышленность не могли тогда дать работу миллионам новых пролетариев. А в общине крестьянин имел надел земли, мог для семьи вырастить хотя бы минимум продовольствия. Из общины с 1906 по 1915 гг. вышло около 10% крестьянских семей [2, с. 87], но аграрная реформа чрезвычайно обострила отношения в деревне. С.Г. Кара-Мурза справедливо называет Столыпина «отцом русской революции» [2, с. 83–94]. Положение большинства крестьян чрезвычайно ухудшила Первая мировая война, создав революционную ситуацию. Крестьяне, одетые в серые шинели, вместе с рабочими осуществили Февральскую революцию, а деревня ее поддержала.

Однако либералы, получившие власть и разделившие ее с социалистами-реформистами, не решили ни одной острой проблемы, поставленной жизнью, поэтому продолжалось революционное брожение и революционные движения. Россия шла к новой революционной ситуации.

В деревне большое влияние обрела партия социалистов-революционеров (ПСР). Ее программа социализации земли, выражая чаяния общинного крестьянства, требовала ликвидации частной собственности на землю без выкупа, передачи земли в общенародное достояние и на самом низу – крестьянским общинам для уравнительного землепользова-

ния. Крестьяне записывались в ПСР порой целыми сходами, солдаты – митингами, эсеры создали сеть своих организаций в деревне. Они способствовали организации крестьянского движения, создавая крестьянские Советы, разного рода крестьянские комитеты, вовлекая в них крестьян. По решениям губернских и уездных съездов крестьянских депутатов принимались меры по ограничению помещичьих полномочий: снижалась арендная плата за землю, засеивались пустующие земли и т.д. Вместе с тем, коренного решения земельного вопроса эсеры призывали ждать до созыва Учредительного собрания. Но уже с марта 1917 г. разворачивается стихийное крестьянское движение в форме захвата лесов или запрета помещику их вырубать и продавать, захвата лугов, продовольствия, создания комитетов батраков в имениях и пр. [6, с. 64]. За март–июнь произошло 9 431 крестьянское выступление (подсчитано по: 6, с. 377–378).

Большевики утвердили на VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) ленинскую аграрную программу: конфискация помещичьих и других частновладельческих земель, национализация всей земли, передача конфискованных земель крестьянским Советам и комитетам. Вопрос о форме крестьянского землепользования Ленин оставил пока открытым. Крестьяне призывались к самочинному организованному захвату помещичьей земли [5; т. 31, с. 425–428]. У большевиков не хватало сил для работы в деревне. Даже в конце 1917 г. в России было на селе всего 203 ячейки большевиков с 4 тысячами членов [6, с. 53], но их лозунг самочинного захвата земли через рабочих, солдат проникал в деревню и имел организующее влияние на крестьян.

В мае 1917 г. эсеры созвали I Всероссийский съезд крестьянских депутатов и полностью им руководили. Делегаты на ура принимали доклады о социализации земли. Но, когда эсеры в резолюции о земельном вопросе предложили ждать решения земельного вопроса до созыва Учредительного собрания, депутаты отказались ее утвердить. Это настроение усилил В.И. Ленин, который в докладе на съезде 22 мая обосновывал, прежде всего, необходимость организованных захватов земель крестьянами с передачей их в распоряжение уездных и губернских крестьянских комитетов [5; т. 43, с. 169–174]. В конечном счете была принята съездом резолюция по земельному вопросу, в которой говорилось, что все земли впредь до Учредительного собрания переходят «в ведение земельных комитетов с предоставлением им права определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов и т.п.» [9, с. 119–120]. Эсерам бы стоило приступить к выполнению резолюции. Но они стали доказывать, что ее должно еще утвердить Временное правительство. А под руководством министра внутренних дел эсера Н.Д. Авксентьева начались аресты крестьянских комитетов, возглавивших захваты земли помещиков. Только в июле–августе были арестованы члены 2 тысяч крестьянских комитетов [6, с. 336]. Воистину, эсеры рубили сук, на котором сидели.

В эти два месяца произошел спад крестьянского движения еще и потому, что крестьяне были заняты уборкой урожая. Но в сентябре вспыхнуло стихийное крестьянское восстание. Оно началось в Тамбовской губернии, вотчине эсеров, и быстро охватило все губернии, в которых были помещичьи имения. В сентябре–октябре произошло 4 961 крестьянских выступлений (подсчитано по: 6, с. 374–378). Большинство ударов крестьяне наносили по помещикам, в 70–80% случаев были разгромлены их имения, около 20% выступлений было направлено против кулаков, особенно столыпинских хуторян и отрубников.

Таким образом, революцию начали крестьяне. Ленин тогда писал, что большевики будут изменниками по отношению к крестьянам, если не поддержат крестьянское восстание организацией восстания в городе рабочих и солдат [5; т. 34, с. 275–277].

После победы Октябрьского вооруженного восстания II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов принял Декрет о земле, в который В.И. Ленин включил, не изменив ни одного слова, аграрную часть 242 крестьянских наказов. Эти указы были доставлены крестьянскими депутатами на I Всероссийский крестьянский съезд в мае 1917 г. и были обнародованы в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» 19 августа 1917 г. По сути, в основе их лежала эсеровская программа социализации земли, но ряд требований выходил за ее рамки – требования запрещения наемного труда в сельском хозяйстве, передачи высококультурных хозяйств, конских заводов, казенных и частных племенных скотоводческих и птицеводческих хозяйств в распоряжение государства или общин.

В.И. Ленин откликнулся на публикацию крестьянских наказов статьей «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие» 30 августа 1917 г. Отметил, что крестьянские указы выражают устремления крестьянских масс и крестьянской бедноты, они наносят удар по капитализму и представляют шаги в сторону социализма. Они не могут быть выполнены буржуазным Временным правительством, но их реализует власть рабочих и деревенской бедноты (5; т. 34, с. 108–119). При капитализме нельзя уничтожить частную собственность на землю, община неизбежно разрушается. При власти рабочих и беднейших крестьян появляются условия для движения деревни к социалистическим общественным отношениям. Ленин использовал диалектический подход: «Старые формы наполнились новым содержанием» (5; т. 34, с. 114).

В деревне и после Октября продолжалась анархия, разгромы помещичьих имений, расхищение их имущества. 19 февраля 1918 г. был утвержден ВЦИКом Закон о социализации земли, разработанный комиссией из левых эсеров и большевиков по решению III Всероссийского съезда Советов. Закон детализировал положения Декрета о земле. На его основе произошел весной 1918 г. раздел помещичьих земель между крестьянами. По сути, это была великая аграрная революция, имеющая демократический характер. Позднее Ленин отметил, что нерешенные задачи буржуазно-демократической революции «похода, мимоходом» решила социалистическая революция (5; т. 44, с. 147).

Летом–осенью 1918 г. в деревне прошел пролетарский этап революции, когда комитеты бедноты пустили в передел и земли, находившиеся в частной собственности кулаков. Столыпинские хуторяне были возвращены в общины в большинстве губерний, хутора оставались в западном регионе и на севере в лесах. Аграрная революция привязала прочно крестьян к Советской власти. Крестьяне противились подразверстке, «военному коммунизму», поэтому сохранялось крестьянское движение. Нэп успокоил крестьян. Тогда же завершилась крестьянская революция.

Литература:

1. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. Первая. М.: Алгоритм, 2001. 528 с.
2. Кара-Мурза С. Столыпин – отец русской революции. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
3. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.

4. Курс отечественной истории IX–XX веков. Основные этапы и особенности российского общества в мировом историческом процессе / Под ред. Ольштынского Л.И. М.: ИТРК, 2002. 544 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
6. Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. Март–октябрь. М.: Наука, 1981. 400 с.
7. Неведов С.А. К дискуссии об уровне потребления в дореволюционной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1. С. 73–86.
8. Постол М. Недоедим, но вывезем // Советская Россия. 2001. 22 ноября.
9. Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Сбор. док. и мат. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 662 с.
10. Сенчакова Л.Т. Крестьянские наказания и приговоры 1905–1907 годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 58–67.
11. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1996. № 4. С. 151–152.

References:

1. Kara-Murza S. Sovetskaja civilizacija. Kn. Pervaja. M.: Algoritm, 2001. 528 s.
2. Kara-Murza S. Stolypin – otec russoj revoljucii. M.: Algoritm, 2002. 256 s.
3. Kondrat'ev N.D. Rynok hlebov vo vremja vojny i revoljucii. M.: Nauka, 1991. 487 s.
4. Kurs otechestvennoj istorii IX–XX vekov. Osnovnye jetapy i osobennosti rossijskogo obshhestva v mirovom istoricheskom processe / Pod red. Ol'shtynskogo L.I. M.: ITRK, 2002. 544 s.
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij.
6. Maljavskij A.D. Krest'janskoe dvizhenie v Rossii v 1917 g. Mart–oktjabr'. M.: Nauka, 1981. 400 s.
7. Nefedov S.A. K diskussii ob urovne potreblenija v dorevoljucionnoj i predrevoljucionnoj Rossii // Rossijskaja istorija. 2011. № 1. S. 73–86.
8. Postol M. Nedoedim, no vyvezem // Sovetskaja Rossija. 2001. 22 nojabrja.
9. Revoljucionnoe dvizhenie v Rossii v mae–ijune 1917 g. Sbor. dok. i mat. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 662 s.
10. Senchakova L.T. Krest'janskije nakazy i prigovory 1905–1907 godov // Sud'by rossijskogo krest'janstva. M., 1996. S. 58–67.
11. Sovremennye koncepcii agrarnogo razvitija. Teoreticheskij seminar // Otechestvennaja istorija. 1996. № 4. S. 151–152.

Сведения об авторе

Александр Викторович **Медведев**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики России, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 947. 083/84+369

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ БОЛЬШЕВИЗМА

А.В. Морозов, Казанский национальный исследовательский технологический университет
(Казань, Россия), e-mail: andmor@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена теория и практика советского социального страхования. Освещены основные аспекты рабочей страховой программы, предложенной большевиками. Показаны основные противоречия в ее практической реализации.

Ключевые слова: социальное страхование, страхование рабочих, рабочая страховая программа, большевики, меньшевики.

SOCIAL INSURANCE IN THE THEORY AND PRACTICE OF THE BOLSHEVISM

Abstract. The article deals with the theory and practice of Soviet social security. The author covers the main aspects of the labor insurance program proposed by the bolsheviks. The basic contradictions in its practical implementation are being shown.

Keywords: Social insurance, workers, labor insurance program, the bolsheviks, the mensheviks.

Внимание к проблеме социального страхования со стороны русских социал-демократов возникло сравнительно поздно. В «Проекте программы социал-демократической партии» (1895–1896 гг.) и в «Проекте программы нашей партии» (1899 г.), написанных В.И. Лениным, о страховании рабочих не упоминалось и лишь выдвигалась идея о возложении на владельцев предприятий профессионального риска за несчастные случаи с рабочими [5, с. 12]. В проекте программы РСДРП (1903 г.), предложенной II съезду, появилось требование «выдачи государственной пенсии престарелым рабочим» [2, с. 13]. Но на самом съезде этот пункт был пересмотрен и заменен требованием «государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов» [2, с. 41]. Однако, как отмечает С.М. Шварц (Моносзон), «краткость и путаный характер прений, предшествовавших принятию этого пункта, не свидетельствовали о большом интересе съезда к этому вопросу» [5, с. 13–14].

Интерес к соцстраху у социал-демократов стал возрастать в связи с разработкой и принятием законопроектов о страховании рабочих (1904–1912 гг.). Однако и тогда «идеологи и вожди рабочего движения в России не сразу обратили внимание на эту возможность и предварительное обсуждение вопросов о страховании рабочих протекало в правительственных совещаниях» без их участия. Только в 1908 г. после внесения законопроектов в Думу «с-д. депутаты втянулись в это дело» [5, с. 18]. На V Общероссийской конференции 1908–1909 гг. в резолюции «О думской С.-Д. фракции» ей было предложено «в интересах выполнения агитационно-пропагандистских задач» внести в Думу проекты страхования ра-

бочих, но при этом не становится «на путь так называемого положительного законодательства» и «погони за мелкими мнимыми реформами» [2, с. 199].

Между большевиками и меньшевиками долгое время не было принципиальных расхождений «по существу программных требований в области социального страхования» [5, с. 18]. Все они критически относились к царским законопроектам и собирались голосовать против них. Но существовали серьезные тактические расхождения: меньшевики были готовы участвовать в практической реализации законов в жизнь, а большевики – использовать их лишь для политической борьбы. Первоначально большевики охарактеризовали законы о страховании рабочих как «новое, в тысячу раз худшее крепостное право» [5, с. 20]. Но реальная жизнь в какой-то мере откорректировала эту позицию. И уже на VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912 г.) в резолюции «О выборах в IV Государственную Думу» говорилось о необходимости страхования рабочих государством [2, с. 273]. На конференции была принята специальная резолюция «Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих» [3, с. 510–512], подготовленная Н.А. Семашко и затем отредактированная В.И. Лениным [4], в которой страхование рабочих «вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы» было названо «реформой, властно диктуемой всем ходом капиталистического развития». Наилучшей формой называлось государственное страхование, построенное на следующих принципах: обеспечение рабочих во всех случаях утраты трудоспособности, включая беременность и роды, вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика; охват всех лиц наемного труда и их семейств; вознаграждение рабочих в размере возмещения полного заработка с возложением расходов на предпринимателей и государство; создание единых территориальных самоуправляющихся застрахованными касс [3, с. 279]. Царский законопроект был вновь подвергнут острой критике и охарактеризован как «грубейшим образом издевающийся над насущными интересами рабочих» [3, с. 280]. По мнению большевиков, осуществить страховую реформу могло только «окончательное низвержение царизма и завоевание условий для свободной классовой борьбы пролетариата». Так как «без нового революционного подъема невозможно никакое действительное улучшение положения рабочего, то всякий, кто хочет добиться действительной рабочей реформы, должен бороться прежде всего за новую победную революцию». В случае же реализации страхового законодательства рекомендовалось использовать больничные кассы для пропаганды с.-д. идей, и «превратить таким образом и этот закон, задуманный в целях нового закабаления и угнетения пролетариата, в орудие развития его классового сознания, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм» [3, с. 281]. С.М. Шварц пишет: «Итак, все же не бойкот, а использование больничных касс, но исключительно для революционной пропаганды. Практически это означало готовность пусть к ограниченному, но к положительному участию в предстоящей страховой кампании» [5, с. 23]. Выступая на конференции, Н.А. Семашко определил главные «пункты в резолюции, на которых должна сосредоточиться социал-демократическая агитация»: проведение лозунга о полной «самостоятельности рабочих и самодеятельности в организациях», требование страхования строительных и сельхозрабочих и др. [3, с. 416–417].

По мере практической реализации законов о страховании рабочих возник вопрос об избрании рабочих в Страховой Совет и Страховые присутствия. Меньшевики считали, что представителей рабочих должен выбирать рабочий съезд, а большевики не имели однозначного мнения по этому вопросу, среди них были распространены и бойкотистские на-

строения. Только после февральского совещания ЦК РСДРП (1913 г.) ситуация изменилась [2, с. 288]. Резолюция «О страховой кампании», написанная В.И. Лениным, требовала выбирать уполномоченных больничных касс на рабочих собраниях, а не в «темную»; устраивать «революционные митинги» «против тех насилий и издевательств, которыми сопровождается введение страховых законов». В.И. Ленин высказался против бойкота выборов уполномоченных и предложил бороться «за правильные выборы делегатов в больничные кассы» [2, с. 296–297]. Согласно решению августовского совещания ЦК РСДРП (1913 г.), больничные кассы рассматривались как организации для ведения политической борьбы, а в уполномоченные больничных касс предлагалось проводить исключительно сторонников партии [2, с. 314]. Меньшевики же больше внимания уделяли практической работе в страховых организациях, занимались поиском и подбором кадров страховых работников. В начале 1914 г. большевики при участии Н.А. Скрыпника, В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева разработали проект закона о социальном страховании, который был внесен в Думу большевистской фракцией. Как отмечает С.М. Шварц, этот документ носил «ярко выраженный изуродованно синдикалистский, фантастически антигосударственный характер» [5, с. 68].

После Февральской революции 25 марта 1917 г. была созвана I Общегородская Петроградская страховая конференция для обсуждения актуальных проблем соцстраха. Представитель большевиков А.Н. Винокуров заявил на ней о том, что «никаких технических затруднений» для немедленного распространения страхования на все виды наемного труда нет» [5, с. 45]. Завоевание большевиками политической власти привело к попытке реализации рабочей страховой программы на практике. 30 октября 1917 г. Народным комиссаром труда А.Г. Шляпниковым было опубликовано «Правительственное сообщение о социальном страховании», объявившее, что новое правительство «немедленно приступает к изданию декретов о полном социальном страховании на основе рабочих страховых лозунгов» [5, с. 67]. Эти декреты должны были заложить основы новой системы соцстраха. Однако вскоре на основании положения «О социальном обеспечении трудящихся» от 31 октября 1918 г. социальное страхование было заменено системой социального обеспечения, а наиболее серьезный удар был нанесен по самоуправлению страховых организаций. Как пишет С.М. Шварц: «Приостановка в развитии законодательства о социальном страховании объясняется отнюдь не отказом от социально-политического максимализма, а – колебаниями, которые возникли в официальных кругах относительно самых основ страховой программы» [5, с. 152]. «Процесс разрушения социального страхования, построенного на началах социальной автономии, дошел до своего логического конца. Авторитарная идея победила по всей линии... И когда с переходом к нэпу вопрос о социальном страховании встал вновь, строить его пришлось почти на пустом месте» [5, с. 184]. По мнению Б.Г. Данского, «советские страховые декреты, подобно другим декретам, изданным немедленно после Октябрьской революции, оставляли желать многого в отношении их практической осуществимости. Они имели в значительной мере декларативный и часто агитационный характер» [1, с. 64]. Вместе с тем, если мы будем рассматривать развитие советского соцстраха ретроспективно и расширим хронологические границы вплоть до 70-х гг. XX в., то у нас появится возможность более объективных оценок. Тогда станет очевидным, что разработанная большевиками страховая программа растянулась в своем воплощении более чем на 60 лет. Лишь в 1956 г. появилось пенсионное обеспечение по старости, охватывающее основную массу граждан СССР, а в 1964 г. был принят закон СССР «О пенсиях и пособиях членам колхозов», предусматривавший пенсии по старости для мужчин с 65 лет и женщин

с 60 лет (в 1968 г. установлен 60 и 55-летний возраст выхода на пенсию). В 1970 г. на крестьянство было также распространено социальное страхование по временной нетрудоспособности, по рождению ребенка, дополнительным видам пособий. Таким образом, крестьяне получили доступ к соцстраху в результате длительной, более чем 60-летней эволюции социальной политики советской власти. Конкретно-историческая обстановка опровергла многие декларации пришедшей к политической власти партии большевиков. Идеи страховой программы не были воплощены в реальной социальной практике – ни по полному охвату всех работников, ни по полному возмещению утраченного ими заработка. Но, несмотря на это, социальное страхование периода советской власти сыграло значительную роль в повышении жизненного уровня населения.

Литература:

1. Данский Б.Г. Социальное страхование раньше и теперь. – М.: Вопросы труда, 1926. 159 с.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. 7-е изд. Ч. I. 1898–1925. М.: Госполитиздат, 1953. 952 с.
3. Конференции РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008.
4. Протасов А.Д. Об участии В.И. Ленина в дореволюционном рабочем страховом движении: дискуссия на страницах журнала «Вопросы страхования» в 1924 г. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 274–276.
5. Шварц С.М. Социальное страхование в России в 1917–1919 годах. – New York: Columbia University, Russian Institute, 1968. 202 с.

References:

1. Danskij B.G. Social'noe strahovanie ran'she i teper'. – M.: Voprosy truda, 1926. 159 s.
2. Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah sezdvov, konferencij i plenumov CK. 1898–1953. 7-e izd. Ch. I. 1898–1925. M.: Gospolizdat, 1953. 952 s.
3. Konferencii RSDRP 1912 goda. Dokumenty i materialy. M., 2008.
4. Protasov A.D. Ob uchastii V.I. Lenina v dorevoljucionnom rabochem strahovom dvizhenii: diskussija na stranicah zhurnala «Voprosy strahovanija» v 1924 g. // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 12. S. 274–276.
5. Shvarc S.M. Social'noe strahovanie v Rossii v 1917–1919 godah. – New York: Columbia University, Russian Institute, 1968. 202 s.

Сведения об авторе

Андрей Викторович **Морозов**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 908

РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ РОЛИ И ЗНАЧЕНИЯ ИХ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

В.С. Павлов, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: larisa65pavlova@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает противоречивые оценки роли и задач российских революций – Великой российской революции и демократической революции рубежа 1980–1990 гг. – в научной и общественно-политической среде. Основное внимание уделяется «круглым столам» и государственной программатике в исследовании революции 1917 года.

Ключевые слова: Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г., Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., Великая российская революция, Демократическая революция рубежа 1980–1990-х гг.

THE RUSSIAN REVOLUTIONS OF THE 20th CENTURY: DISCUSSION ASPECTS OF THE ROLE AND THEIR IMPORTANCE IN THE MODERN SCIENTIFIC AND SOCIAL THOUGHT

Abstract. The article deals with conflicting assessments of the role and tasks of the Russian revolutions – The Great Russian revolution and the Democratic Revolution of the late 1980 – early 1990 in scientific and social and political environment. The increased focus is put on «round tables» and the state programme in the study of revolutions of 1917.

Keywords: February bourgeois-democratic revolution of 1917, Great October Socialist Revolution of 1917, The Great Russian revolution, Democratic Revolution of the late 1980s and early 1990s.

С приближением 100-летнего юбилея Великой российской революции, а также 25-летия событий в России 1991 г. (а они некоторыми исследователями определяются как демократическая революция) усилился интерес к политическим, социальным, экономическим, духовным ценностям, которые были реализованы этими революциями.

Начиная с конца 1990-х годов, особенно после ухода Б.Н. Ельцина с поста Президента России, при котором, по определению д.э.н. С.А. Кимельмана, «говорящие и пишущие под диктовку головы» [9] предавали анафеме все советские достижения и ценности, наступает период осмысления и анализа как достижений, так и потерь, которые понесла Россия в ходе этих революций. На государственном и региональном уровнях создаются комиссии, партийные и общественные организации, проводятся «круглые столы» по проблемам этих революций, в первую очередь, дискуссионным.

Начало первого этапа было связано с приближающимся 80-летием революций 1917 г. и событиями в России 1991 г., ликвидацией СССР в результате государственного переворота, осуществленного Б. Ельциным. Сравнительные оценки этих процессов начались не только в отечественной, но и зарубежной исследовательской литературе. Известный американский русист профессор Эдвард Эктон в статье «Новый взгляд на

русскую историю» отмечал: «Распад СССР оказал влияние на весь мир, но его воздействие, конечно, проявилось прежде всего в странах бывшего СССР и самой России. Здесь это привело к яростному отрицанию всего советского – символики, памятников, номенклатуры, романов, фильмов, учебников. Дух отрицания привел ...к сильнейшему идеологическому крену вправо, скачку через социал-демократические ценности к ценностям капиталистическим» [13, с. 70]. И далеко не к современному капитализму с его социально-рыночной экономикой, а к первоначальному, дикому капитализму, с олигархатом, крайним индивидуализмом, немыслимой коррупцией и социальной дифференциацией. В ельцинской России, по мнению профессора Х. Рэгсдейла, «в хаосе и сумятице, в условиях шока и боли ...действует рудиментарный, хищный и в какой-то степени примитивный протокапитализм» [5, с. 196].

На фоне этой «революции» совершенно отличается оценка Октябрьской социалистической революции многими отечественными историками. Профессор В.Н. Виноградов отмечает, что «она потрясла мир, дала толчок развитию революционного радикализма и национально-освободительного движения, побудила своих противников заняться поиском реформ как альтернативного пути развития, привела к появлению на мировой арене мощного индустриального государства и, в конечном счете, – сверхдержавы. Вычеркнуть её из истории отечества невозможно, приуменьшать её значение бессмысленно» [5, с. 194].

Оценку величайших достижений советского социализма расширяет В.С. Бушуев [4]. А.А. Искандеров осмысливает роль субъективного фактора, приведшего к успеху революции и, в первую очередь, роль её выдающихся руководителей – В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого [7, с. 88–89].

Ряд исследователей и, в первую очередь, В.П. Булдаков полагают, что русскую революцию нельзя отождествлять с социалистическим движением, поскольку ни у рабочих, ни у крестьян или солдат и матросов (а они в большинстве своём выходцы из крестьянской среды) не было устремлений к социализму [2, с. 50]. Другие историки, такие как В.П. Дмитренко, разделяя концепцию единой Великой революции 1917 г. выделяют в ней две фазы – политическую (в феврале) и социальную (в октябре), формировавшую уже социалистические формы и нормы общественного развития [3, с. 2].

На «круглом столе» по теме «Февральская революция 1917 года в российской истории», проведенном 15 марта 2007 г. к её 90-летию в Институте российской истории, о причинах, роли и значении её были высказаны различные точки зрения [10]. В.П. Булдаков в своем выступлении отмечал, что в конце горбачевской перестройки и в первые постсоветские годы в России восхищались демократическими «транзитологами», которые получили на Западе прозвище «бастардов монетаризма» и «рыночных большевиков». Многие «перестройщики» обнаружили, перефразируя Ленина, все симптомы «детской болезни правизны в антикоммунизме» [10, с. 26]. Даже не скрывающий своего антисоветизма В.М. Лавров предупреждал власть предрежащих, что «...совпадение во времени и пространстве нескольких дестабилизирующих событий (включая спровоцированные) на фоне нелегкой жизни народа – и революция» [10, с. 25].

Новый этап интереса к изучению и осмыслению революционных процессов в России начался в преддверии 100-летнего юбилея революции 1917 г. В Музее современной истории проведен «круглый стол», по итогам которого принято решение об организации в 2017 г. Всероссийской научно-практической конференции «100 лет Великой российской

революции: осмысление во имя консолидации». Создан оргкомитет, в состав которого вошли высшие руководители государственных и научных структур: С. Нарышкин, В. Мединский, А. Чубарьян, Ю. Петров, С. Мироненко и др. Участники «круглого стола», объединив (теперь уже официально) Февральскую и Октябрьскую революции в одну – Великую российскую революцию 1917 г., приняли текст обращения к общественности страны. Отмечая, что «попытка построения на земле нового справедливого общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на прогресс народов всей планеты», обращение определяет основные направления и задачи научных и общественных организаций, «деятельность которых должна быть направлена на консолидацию российского общества, создание единой общегражданской позиции по основным этапам развития России» [11].

Модератор «круглого стола» академик А. Чубарьян, открывая дискуссию подчеркнул, что ныне российское общество преодолевает синдром 1990-х гг., определившим бесспорно отрицательное место революции, её значение для последующего развития России и человека. Теперь ситуация меняется: «Видно, что началось время глубокого осмысления, диалога о месте и значении этого периода российской истории» [8].

Дискуссия показала, что основные разногласия касаются оценок значения социалистической революции, советских социально-экономических и духовных ценностей. С. Кара-Мурза, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, анализируя истоки и содержание социалистической цивилизации, констатировал: «Советский человек победил белых и интервенцию, вовлек умеренных противников в работу, провел модернизацию и культурную революцию, одолел фашизм, создал надежный щит и большие социально-технические системы высшего класса. Мы и сейчас на них живем – заменить их не могут». Осмысливая причины кризиса и гибели социалистического государства в результате государственного переворота 1991 г., он так оценивает его: «Произошла революция регресса... в отличие от революции начала XX века. Нынешний господствующий тип не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы "держать страну", а тем более сплотить общество для модернизации и развития» [11].

В. Трушков, профессор факультета политологии МГУ, исходя из ленинской концепции революционного процесса в России, рассматривает события 1917 г. как классовую борьбу пролетариата и буржуазии. Февральская революция, начавшаяся как буржуазная, переросла в буржуазно-демократическую, в которой пролетариат играл не роль массовки, а ведущей силы. Но и этот этап вскоре изжил себя, поскольку революция не решила поставленной перед ней задачи. Поэтому трудящаяся Россия поддержала большевистскую формулу превращения империалистической войны в гражданскую: революция, «...чьей целью являлось установление рабоче-крестьянской власти, была фактически бескровной и быстрой». Капиталистическая реставрация, трагедия 1991–1993 гг., по мнению В. Трушкова, – «это типично социальная реставрация, временное отступление социалистической революции» [11].

Главный научный сотрудник ИРИ РАН В. Лавров, напротив, исходя из своей антисоветской позиции, называл революционные события «большой бедой» и призывал, используя церковную лексику, к «общему покаянию за революцию» [12].

Весьма актуальный аспект темы состоит в выяснении того, что представляет собой современная Россия, какое общество в ней строится, чего она добилась за четверть века.

Оценки, особенно в общественно-политических изданиях, неутешительны для власть предержащих. С.А. Кимельман считает, что с приходом в Кремль В.В. Путина были поставлены новые стратегические цели, но им не дано было осуществиться, поскольку «ельцинские либералы в правительстве Касьянова встретили в штыки начинания Путина и продолжали гнуть свою линию на разворовывание национальных богатств страны» [9]. Попытка стратегического планирования в 2006 г. завершилась ничем из-за кризиса 2008–2009 гг., равно как и последующая 2012 г. вследствие нового витка кризиса и экономической блокады России западными державами. Заметим, что и сегодня либеральный социально-экономический блок в правительстве Д. Медведева не желает принимать новую мобилизационную, плановую, социальную программу развития страны, предложенную академиком С. Глазьевым [6]. И экономика страны погружается в кому.

Трудящееся население беднеет, получая низкую и уменьшающуюся зарплату (только в 2015 г. она понизилась на 10%), страдает от повышения налогов и инфляции. Социальное расслоение достигло немыслимых масштабов. В ноябре 2012 г. в программе «Максимум» телеканала НТВ её ведущим Г. Пьяных была приведена следующая статистика: 1% богатейшей части населения страны получает 73% совокупного дохода, 95% населения имеют 1,5% совокупного дохода. Такого колоссального расслоения в доходах населения нет ни в одной стране цивилизованного мира.

Социальная напряженность в стране, по мнению многих исследователей и публицистов, непрерывно растет, достигая критической черты [1]. Она стала одной из основных проблем, которую должно решать правительство во имя поступательного развития российского общества.

Литература:

1. Бовкун В. Антисоциалка // Советская Россия. 2015. 11 апр.
2. Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42–50.
3. Будник Г.А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России // Вестник ИГЭУ. Вып. 1. 2008. С. 1–5.
4. Бушуев В.Г. Октябрь // Свободная мысль. 1997. №10. С. 81–95.
5. Виноградов В.Н. Была ли история России сплошной трагедией? По поводу книги Хью Рэгсдейла «Российская трагедия. Бремя истории» // Новая и новейшая история. 1998. №5. С. 191–196.
6. Глазьев С. Запредельное неравенство // Завтра. 2015. 23 июля.
7. Искандеров А.А. Очерки новейшей истории советского общества // Вопросы истории. 2002. №5. С. 61–91.
8. Историки переосмысливают революцию 1917 года во имя консолидации общества. URL: <http://www.lenta.ru> (дата обращения: 28.05.2015).
9. Кимельман С.А. Надолго в коме? Каким будет курс реабилитации // Советская Россия. 2015. 29 дек.
10. «Круглый стол»: Февральская революция 1917 года в российской истории // Отечественная история. 2007. №5. С. 3–30.
11. К 100-летию Великой российской революции: осмысление во имя консолидации. URL: <http://mkrf.ru> (дата обращения: 21.05.2015).

12. Мухаматулин Т. Мединский начал подготовку к революции. URL: <http://www.gazeta.ru> (дата обращения: 20.05.2015).
13. Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. 1997. №5. С. 68–79.

References:

1. Bovkun V. Antisocialka // Sovetskaja Rossija. 2015. 11 apr.
2. Buldakov V.P. Imperstvo i rossijskaja revoljucionnost' (Kriticheskie zametki) // Otechestvennaja istorija. 1997. № 1. S. 42–50.
3. Budnik G.A. Novye podhody k izucheniju revoljucii 1917 g. v Rossii // Vestnik IGJeU. Вып. 1. 2008. S. 1–5.
4. Bushuev V.G. Oktjabr' // Svobodnaja mysl'. 1997. №10. S. 81–95.
5. Vinogradov V.N. Byla li istorija Rossii sploshnoj tragediej? Po povodu knigi H'ju Rjedsdejla «Rossijskaja tragedija. Bremja istorii» // Novaja i novejsaja istorija. 1998. №5. S. 191–196.
6. Glaz'ev S. Zapredel'noe neravenstvo // Zavtra. 2015. 23 ijulja.
7. Iskanderov A.A. Oчерки novejshej istorii sovetskogo obshhestva // Voprosy istorii. 2002. №5. S. 61–91.
8. Istoriki pereosmyslivajut revoljuciju 1917 goda vo imja konsolidacii obshhestva. URL: <http://www.lenta.ru> (data obrashhenija: 28.05.2015).
9. Kimel'man S.A. Nadolgo v kome? Kakim budet kurs rehabilitacii // Sovetskaja Rossija. 2015. 29 dek.
10. «Kruglyj stol»: Fevral'skaja revoljucija 1917 goda v rossijskoj istorii // Otechestvennaja istorija. 2007. №5. S. 3–30.
11. K 100-letiju Velikoj rossijskoj revoljucii: osmyslenie vo imja konsolidacii. URL: <http://mkrf.ru> (data obrashhenija: 21.05.2015).
12. Muhamatulin T. Medinskij nachal podgotovku k revoljucii. URL: <http://www.gazeta.ru> (data obrashhenija: 20.05.2015).
13. Jekton Je. Novyj vzgljad na russkuju revoljuciju // Otechestvennaja istorija. 1997. №5. S. 68–79.

— ● —

Сведения об авторе

Виктор Сергеевич **Павлов**, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 941

НЕ ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, НО ПОПЫТКА ПЕРЕХОДА К ЛИБЕРАЛЬНОМУ ФАШИЗМУ

Е.А. Пахомова, Волжский государственный университет водного транспорта (Нижний Новгород, Россия), e-mail: pahomova-e@inbox.ru

Аннотация. В статье опровергнуто положение о либеральной революции в нашей стране на рубеже 1980–1990-х годов. На основании обращения к концепции «либерального фашизма» сделаны выводы о попытках построения либерально-фашистского режима в России.

Ключевые слова: революция, либерализм, фашизм, бизнес-элита.

NOT A LIBERAL REVOLUTION BUT AN ATTEMPT OF TRANSITION TO LIBERAL FASCISM

Abstract. The article refutes the position of the liberal revolution in our country at the turn of 1980–1990 conclusions on the basis of the application of the "liberal fascism" of the concept of trying to build a liberal-fascist regime in Russia.

Keywords: revolution, liberalism, fascism, business elite.

Применительно к отечественным реалиям рубежа 1980–1990-х годов часто применяется определение «либеральная революция». Один из адептов современного российского либерализма О.П. Мороз включил даже это словосочетание в название своей монографии [8]. Вместе с тем, нам представляется, что такое положение дел не соответствовало действительности.

Как известно, ещё в 1913 г. В.И. Ленин писал, что «...для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде» [6, с. 300]. В 1915 г. означенная формулировка в почти неизменном виде была употреблена им в работе «Крах II Интернационала» [5, с. 218]. Здесь В.И. Ленин чётко формулирует третий обязательный признак революционной ситуации: «...не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия...» [5, с. 219].

Но такая ли ситуация была в нашей стране на рубеже 1980–1990-х годов? Ответим однозначно: иная! В самом деле, как показала практика, принципиального слома системы управления не произошло – иначе, чем объяснить массовое присутствие во властных эшелонах видных деятелей КПСС и ВЛКСМ. Для сравнения: сколько министров, их товарищей (заместителей) и губернаторов дооктябрьского периода было во властных эшелонах в 1920-е годы? Население страны в массе своей сохранило положительное отношение к советскому наследию (как минимум в социальной и культурной сфере, причём, это проявляется и по сей день!). И относительно массовости выступлений против советской власти и КПСС – такового тоже, по сути, не было. Лишь в некоторых городах страны (Москве и Ле-

нинграде/Санкт-Петербурге, в первую очередь) наблюдались относительно массовые выступления, но не более того.

Революция в России в начале XX века дала немало примеров революционного терроризма (в том числе и как проявления жертвенности), но на рубеже 1980–1990-х гг. в России не было ничего подобного (единственный террорист – калужский «стрелок» В. Воронцов; кстати, «новой» властью не то что не «канонизированный», но даже приговорённый в итоге к расстрелу). Народ скорее «безмолвствовал», чем был готов к массовым выступлениям против власти.

Закономерен вопрос: «А что же, собственно говоря, тогда было?» Судя по всему, речь следует вести о попытке перехода к тому, что можно обозначить как «либеральный фашизм», причём, попытке, осуществляемой по инициативе «сверху». Проблема связи либеральной и фашистской идеологий в современном мире является куда как более значимой, нежели может показаться на первый взгляд. И дело даже не в попытках «окультурить» неофашизм, создать ему респектабельный имидж, «помирить» его с демократией (последнюю можно, например, подать как нечто исконно «белое», чуждое мигрантам и т.п.), которые на самом деле открыли новую форму бытия фашизма в виде интеллектуальной дискуссии [3, с. 111]. Куда как важнее другие обстоятельства. Первое связано с тем, что уже давно наличествуют тесные связи либеральных партий с мировой бизнес-элитой. Во-вторых, отметим, что стоящие перед человечеством глобальные проблемы поднимают вопрос о том, какое именно количество населения может существовать на планете безболезненно для экосистемы. Именно эти обстоятельства наряду с развитием феномена «социального государства» и содействуют усилению того, что может быть охарактеризовано как «либеральный фашизм».

Само это словосочетание, на первый взгляд, звучит как некий оксюморон или как термин, который консерваторы могут использовать исключительно для дискредитации либералов. Отметим, что впервые о «либеральном фашизме» писал ещё Герберт Уэллс в 1932 г. Достаточно часто это словосочетание использовалось после падения СССР на постсоветском пространстве, а также в бывшей Югославии. На Западе о профашистской эволюции как старых, так и новых демократий, вполне совместимых с ультраправыми политическими силами, писали многие исследователи, включая Л. Ларуша, Н. Чомски и У. Питта [9, с. 40].

Одной из важнейших опор тоталитаризма XXI в. является модель жизни «счастливого робота», хорошо оплачиваемого, ориентированного, в первую очередь, на приобретение вещей и денег; беспощадной конкуренции и агрессивности в трудовых отношениях; *живого гомоида*, который поддержит любой вид насилия своего государства, дабы это содействовало сохранению его уровня материального благополучия [1, с. 46].

Впрочем, западное единомыслие, мало чем отличавшееся от советского, и являющееся, по сути, проявлением либерального тоталитаризма, не следует считать, по нашему мнению, самым опасным проявлением современного либерального фашизма. Необходимо указать, что мы разделяем точку зрения, согласно которой «сущность фашизма – не выверты и зверства нацизма, не геноцид евреев и цыган, а сама уверенность, что человечество не едино, а подразделяется на сорта, высшие и низшие "расы". Обоснование этой уверенности сводится к тому, что человеческие ценности (идеалы, культурные установки) записаны в биологических структурах человека (генах) и передаются по наследству». Ме-

тодологической ошибкой, лежащей в основе нацистского понимания человека, является отождествлении его биологической природы и социальной сущности [7, с. 108].

Пользующийся большим влиянием в среде бизнес-элиты неолиберализм во многом исходит из идеи упразднения универсальных этических ценностей. Так, один из идеологов неолиберализма Ф.А. фон Хайек в своей книге «Дорога к рабству» особо выделил мысль: «*всеобщая этика есть тоталитаризм (рабство)*». Там же он сформулировал и высшее «моральное кредо либерализма»: для нормальной работы рыночной экономики «люди должны изжить некоторые естественные инстинкты, прежде всего, инстинкт сострадания и солидарности» [9, с. 40]. Не удивительно, что находящаяся под влиянием такого рода мыслителей либеральная демократия всё больше превращается в своего рода тоталитарную демократию и не только в виде «тирании большинства», но, прежде всего, в виде «демократического фашизма». В либеральной демократии с самого начала существует напряженность между свободой индивида-владельца и принципом «свободы для всех», между прибылью и принятием решений большинством. Эта напряженность всё больше усиливается [1, с. 46], причём, именно в сторону интересов индивида-владельца, мечтающего о высокой прибыли.

Именно эти аспекты либерального фашизма крайне опасны для российского государства и общества. Рядом исследователей отмечалось, что либеральные преобразования в стране проводились именно под знаком хайековского «расставания с человечностью». Нельзя не упомянуть, что в 1990-е годы в России в кругах либерал-реформаторов получила распространение мальтузианская доктрина, обосновывающая избыточность населения страны и т.п. Кроме того, к ней же присоединилась русофобия, которая стала базисом профашистского «неолиберализма» [9, с. 43]. Постперестроечная либеральная идеология, существующая в форме жёсткого нигилизма по отношению к советской и российской истории, предлагала россиянам начать с «чистого листа», взяв на вооружение западные ценности в качестве рецептов будущего развития государства и социума. В таком контексте идеалом человека является новоиспечённый манкурт, у которого нет привязок к Родине, нации, социуму [7, с. 108].

Неслучайно также, что многие российские ультра-либералы отрицают всеобщее избирательное право, являющееся, по их мнению, злом [4]. Это обстоятельство объясняется тем, что качество народа в России (да и в ряде других стран тоже) низкое, потому избиратели массово голосуют за невыполнимые обещания и т.п. Куда как лучше, с либеральной точки зрения, ограниченное избирательное право, причём, ограничение должно быть согласовано с имущественным цензом. Возникает вопрос, а не является ли означенное либерал-фашистское понимание современных политических реалий тесно связанным с таким явлением, как вождество, для которого как раз и характерно расслаивание общества на полноправную элиту и остальных – неполноценных представителей населения [10, с. 88]? И ничего, что вождество противоречит демократии, ибо с точки зрения ультра-либералов лучше авторитарная диктатура *a-la* Пиночет, нежели победа социалистов на легитимных выборах.

Мало того, отдельные политологи отмечают, что некоторым представителям российского социума народ не нужен вообще [2, с. 34]. Последнее обстоятельство, судя по всему, можно объяснить тем, что ультра-либералы мыслят критериями экономической эффективности, а труд россиян необходимо достаточно высоко оплачивать – отсюда и появляются идеи о возможности «замены» россиян выходцами из стран «третьего мира».

Таким образом, нельзя не признать, что, если фашизм прошлых лет апеллировал к своему народу и декларировал необходимость улучшения его жизни за счёт других, враждебных этносов, то нынешний либеральный фашизм носит наднациональный характер, а объектом поклонения является Золотой Телец.

Литература:

1. Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. 2007. №12. С. 39–49.
2. Глебова И.И. Политическая культура современной России: новые расколы // Россия и современный мир. 2006. №1 (50). С. 17–39.
3. Котов С. Неофашизм как возможность в контексте современной ситуации // Власть. 2011. №6. С. 108–112.
4. Латынина Ю. Прекрасный новый мир // Новая газета. 2013. 27 нояб.
5. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 209–263.
6. Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 296–305.
7. Малиева Т.И. От какого наследства мы отказываемся? // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №6 (1). С. 107–117.
8. Мороз О.П. Хроника либеральной революции. Как удалось отстоять реформы. М.: Радуга, 2005. 669 с.
9. Самарин А.Н. Неолиберальный фундаментализм против социальной солидарности // Международные научные исследования. 2010. № 3–4. С. 40–45.
10. Сахибгоряев В.Х., Котов С.В. «Вождизм» как механизм перехода к фашистскому типу государства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. №1. С. 83–92.

References:

1. Vidoevich Z. Liberal'nyj totalitarizm // Sociologicheskie issledovanija. 2007. №12. S. 39–49.
2. Glebova I.I. Politicheskaja kul'tura sovremennoj Rossii: novye raskoly // Rossija i sovremennij mir. 2006. №1 (50). S. 17–39.
3. Kotov S. Neofashizm kak vozmozhnost' v kontekste sovremennoj situacii // Vlast'. 2011. №6. S. 108–112.
4. Latynina Ju. Prekrasnyj novyj mir // Novaja gazeta. 2013. 27 nojab.
5. Lenin V.I. Krah II Internacionala // Polnoe sobranie sochinenij. T. 26. S. 209–263.
6. Lenin V.I. Maevka revoljucionnogo proletariata // Polnoe sobranie sochinenij. T. 23. S. 296–305.
7. Malieva T.I. Ot kakogo nasledstva my otkazyvaemsja? // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. 2009. №6 (1). S. 107–117.
8. Moroz O.P. Hronika liberal'noj revoljucii. Kak udalos' otstojat' reformy. M.: Raduga, 2005. 669 s.

9. Samarin A.N. Neoliberal'nyj fundamentalizm protiv social'noj solidarnosti // Mezhdunarodnye nauchnye issledovanija. 2010. № 3–4. S. 40–45.

10. Sahibgorjaev V.H., Kotov S.V. «Vozhdizm» kak mehanizm perehoda k fashistskomu tipu gosudarstva // Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov. 2010. №1. S. 83–92.

— ● —

Сведения об авторе

Елизавета Александровна **Пахомова**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-правовых наук, Волжский государственный университет водного транспорта (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 908

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА. ВЛАСТЬ, ОППОЗИЦИЯ, РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е.И. Подрепный, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: podrepnyu@yandex.ru

Аннотация. В статье сделана попытка обзора отечественных публикаций по проблемам политического терроризма в России в начале XX века. Рассматриваются вопросы деятельности политических сил, ведущих политиков и политической полиции.

Ключевые слова: власть, политика, революция, террор.

RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY. POWER, OPPOSITION, REVOLUTIONARY TERROR: AN EXPERIENCE OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The author of the article attempts to review domestic publications on the problems of political terror in Russia at the beginning of the 20th century. The activity of political forces, leading politicians and political police is being considered in the article.

Keywords: power, politics, revolution, terror.

В настоящее время в отечественной историографии наблюдаются попытки взглянуть на события начала XX века в России непредвзято, не становясь на сторону ни одной из противоборствующих тогда в обществе сил [3, с. 3]. Важными проблемами считаются генезис политического терроризма в России [см.: 3, с. 24; 9, с. 535–543; 11, с. 7–21], отношение к нему политических сил страны [6, с. 27–32; 8, с. 11–14; 10, с. 145], борьба власти против террористов, развитие спецслужб Российской империи [5, с. 29–56; 7, с. 19–88].

«Первым организованным и профессиональным террористическим подпольем» в России стала партия «Народная воля» [7, с. 19], а её последователи общим методом считали террор [3, с. 24]. По их мнению, цель оправдывала средства. Так, в 1887 г. кружком Ивана Мейснера в Харькове была произведена рассылка по почте нескольким лицам администрации конвертов, наполненных взрывчатым веществом с приспособлением для взрыва при обращении с ним [3, с. 24–25]. Для убийства Александра III террористами были подготовлены «метательные снаряды», наполненные свинцовыми обрезками и стрихнином для усиления их действия [9, с. 537–538].

Можно согласиться с мнением, что эпоха *террора* в России началась с выстрела Веры Засулич, а также с тем, что террор «Народной воли», а позже партии социалистов-революционеров, физически не мог существовать без поддержки «общества», то есть тысяч образованных людей России [11, с. 11]. Смысл и задачи террористической борьбы сформулировал В.М. Чернов с участием Г.А. Гершуни в эсеровском органе «Революционная Россия» (№ 7, 1902 г.) в статье «Террористический элемент в нашей программе». Суть её вкратце сводится к следующему. Террор – не самоцель, это средство самообороны народа от правительственных репрессий, поэтому народ должен воспринимать террористов

как своих истинных защитников [3, с. 92]. Эволюция левого террора была изучена С.Б. Павловым [3, с. 93, 99–100, 142–144]. В начале XX века к террору в своей практике давления на правительство прибегли и другие левые партии. Боевые группы российских марксистов принимали участие в терактах и экспроприациях, в организации рабочих дружин.

Террор применили и социал-демократы с национальной окраской, боровшиеся за выход своих земель из Российской империи. В последние годы XIX века проявилась террористическая активность анархистских групп, наследников Бакунина и Кропоткина. Главной ударной силой польского сепаратистского террора была ППС Пилсудского, окончательно перешедшая к этой тактике после VII съезда ППС в 1904 г.

Финские националисты окончательно сформировали свою «Партию активного сопротивления» в 1904 г. В армянских землях вооруженное сопротивление власти и террор практиковали сразу две национальные партии: дашнакцутюн (дашнаки, по-русски «Единство») и левые националисты из группы «Дрошак», отколовшиеся от дашнаков, которые вместе с эсерами вели террор в России. В еврейской рабочей среде работали террористы еврейской социалистической партии Бунд и откровенные националисты из группы «По-алей-Цион» («Рабочие Сиона»).

Террористов-практиков было много: от почти полностью занятых террором социалистов-революционеров до мелких групп террористов с размытой идеологией, подобных экзотической «Лиге красного шнура» на юге России; ее члены после ареста так и не смогли внятно сформулировать свою политическую платформу, что компенсировали особенной жестокостью своих терактов и экспроприаций [7, с. 120–123]. Это говорит о необходимости создания *обобщающих работ* по истории политического террора в России.

С.Б. Павлов обращает внимание на иллюзию в сознании тех, кто был много левее либералов. В своих воспоминаниях начальник Киевского охранного отделения А.И. Спиридович пишет: «Убийство Плеве, принесшее изменения внутренней политики, и убийство великого князя, за которым последовали акты 18 февраля, как бы служили лучшим доказательством правильности революционных способов борьбы и необходимости террора против правительства. А успешные террористические акты всегда побуждали к подражанию, и террор стал проявляться чаще и чаще» [3, с. 275]. Террор принимал различные формы – от убийств чиновников до диверсий на железных дорогах [3, с. 350–351].

Известно отношение к террору либеральных политиков, в том числе П.Н. Милюкова. Так, во время встречи с В.И. Лениным Милюков упрекнул его в том, что «искровцы» осуждают революционный террор, который, по его мнению, мог бы сыграть мобилизующую роль: «Еще один-два удачных террористических акта – мы получим конституцию» [10, с. 145].

Развитие террора напрямую зависело от его финансирования. Так, московские социал-демократы в 1905 г. организовали сбор денежных средств на вооруженное восстание. 15 тыс. руб. было получено от писателя Максима Горького, 20 тысяч дал студент физико-математического факультета Московского университета Н.П. Шмит [2, с. 387]. В труде Д.Б. Павлова подробно исследована проблема финансирования правительством Японии революционного движения в России в начале XX века [4]. Объектами финансирования Японией явились Партия социалистов-революционеров, которую японцы считали «наиболее организованной» среди других революционных партий, игравшей «руководящую роль» в оппозиционном движении в России, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Польская социалистическая партия и Финляндская партия активного со-

противления [4, с. 183]. Д.Б. Павлов делает вывод: «В 1904–1905 гг. руководители революционных партий продемонстрировали готовность пренебречь общегосударственными интересами и пойти на соглашение с военным противником России для достижения своих партийных целей» [4, с. 184]. В целом же *проблема финансирования революционного террора в России* отечественной историографией изучена слабо.

Отечественная историография проблемы рассматривает *борьбу правительственных структур против политического террора*. Отметим капитальный труд З.И. Перегудовой [5], а также работу Б.Н. Григорьева и Б.Г. Колоколова [1, с. 616–811]. Как пример успешных мер против террористов назовем события в Петербурге в ночь с 6 на 7 декабря 1905 г. Было произведено 750 обысков и арестов. Были ликвидированы три динамитных лаборатории, несколько нелегальных типографий, изъято около 50 готовых бомб, много оружия. В 4–5 местах революционеры оказали вооруженное сопротивление и были уничтожены. «Именно этими мерами было предотвращено революционное восстание в Петербурге» [3, с. 419].

Система охраны императора описана в работе «Повседневная жизнь российских жандармов» [1, с. 738–747]. Так, при посещении Николаем II городов император проезжал между выстроенными шпалерами гимназистами и гимназистками. За гимназистами стоял строй солдат и лишь потом – «народ», состоявший из членов «Союза русского народа» и Добровольной охраны государя. Местная полиция заранее собрала досье на каждого функционера из обеих организаций. Гимназисты должны были служить живым щитом на случай покушения. Дело в том, что в 1905 г. эсер И. Каляев не решился кидать бомбу в карету с великим князем Сергеем Александровичем, поскольку в ней были дети. Учителям и гимназистам, отправленным встречать царя, запрещалось иметь зонты, бинокли и цветы [11, с. 103].

При поездке Николая II на поклонение мощам Серафима Саровского земствам было предложено исправить дороги и мосты, исправить и расширить проселочные дороги и поставить столбы. В пособие земствам было отпущено 15 тыс. рублей. На пути остановки царского поезда у станции Арзамас были построены платформы и павильон. На охрану царя были брошены десятки тысяч человек – солдат, полицейских и добровольных охранников. Отбор крестьян в «добровольную охрану» производили особые комитеты. Всего охранников было набрано свыше 37 тысяч. На проезд к месту назначения и на продовольствие было отпущено 30 тысяч рублей и т.д. [11, с. 142–143].

Изучен и вопрос об *отношении к побежденным террористам*. На просьбу адмирала Ф.В. Дубасова помиловать стрелявшего в него мальчишку император ответил письмом со следующими примечательными строками: «Мне понятно нравственное побуждение, руководящее вами, – это порыв благородной души. Но я не могу разделить вашей точки зрения по данному вопросу. ...Полевой суд действует помимо вас и помимо меня, пусть он действует по всей строгости закона. С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может. ...Это больно и тяжело, но верно, что к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит моря крови – и уже предотвратило» [2, с. 396].

Можно сделать следующие выводы относительно современной историографии политического террора в России. Эта проблема пока далека от разрешения на всех уровнях. В первую очередь, имеется нужда в обобщающем труде по проблеме, дабы этот материал мог быть включен в общий курс истории России, а также использован для написания спецкурсов для студентов-историков и политологов.

Литература:

1. Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. 852 с.
2. Ильин С.В. Витте. М.: Молодая гвардия, 2006. 511 с.
3. Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900–1907. М.: Академический проект, 2008. 654 с.
4. Павлов Д.Б. Японские деньги для русской революции. М.: Вече, 2011. 288 с.
5. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд, перераб. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 519 с.
6. Рыбас С.Ю. Столыпин. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 421 с.
7. Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 429 с.
8. Табачник Д.В., Воронин В.Н. Петр Столыпин: крестный путь реформатора. М.: Молодая гвардия, 2012. 406 с.
9. Толмачев Е.П. Александр III и его время. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2007. 720 с.
10. Чернявский Г.И., Дубова Л.Л. Милюков. М.: Молодая гвардия, 2015. 510 с.
11. Широкопад А.Б. Секретные операции царских спецслужб. 1877–1917 гг. М.: Вече, 2016. 352 с.

References:

1. Grigor'ev B.N., Kolokolov B.G. Povsednevnaia zhizn' rossijskikh zhandarmov. M.: Molodaja gvardija, 2007. 852 s.
2. Il'in S.V. Vitte. M.: Molodaja gvardija, 2006. 511 s.
3. Pavlov S.B. Opyt pervoj revoljucii: Rossiija. 1900–1907. M.: Akademicheskij proekt, 2008. 654 s.
4. Pavlov D.B. Japonskie den'gi dlja russskoj revoljucii. M.: Veche, 2011. 288 s.
5. Peregudova Z.I. Politicheskij sysk Rossii (1880–1917). 2-e izd, pererab. i dop. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2013. 519 s.
6. Rybas S.Ju. Stolypin. 3-e izd. M.: Molodaja gvardija, 2009. 421 s.
7. Simbircev I. Na strazhe trona. Politicheskij sysk pri poslednih Romanovyh. M.: ZAO Centrpoligraf, 2006. 429 s.
8. Tabachnik D.V., Voronin V.N. Petr Stolypin: krestnyj put' reformatora. M.: Molodaja gvardija, 2012. 406 s.
9. Tolmachev E.P. Aleksandr III i ego vremja. M.: TERRA Knizhnyj klub, 2007. 720 s.
10. Chernjavskij G.I., Dubova L.L. Miljukov. M.: Molodaja gvardija, 2015. 510 s.
11. Shirokorad A.B. Sekretnye operacii carskih specslužhb. 1877–1917 gg. M.: Veche, 2016. 352 s.

Сведения об авторе:

Евгений Ильич **Подрепный**, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политики России, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 327.88

ЧТО СКРЫВАЛОСЬ ЗА ВСЕОБЩЕЙ «ХОЛОДНОЙ» ВОЙНОЙ

В.И. Табаков, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия), e-mail: marlestum@yandex.ru.

Аннотация. Раскрывается война плутократии Запада, нацеленная на ликвидацию большевизма. Исчезновение вместе со Сталиным постоянной большевистской преграды на пути перерождения советской партократии обеспечило плутократии Победу. И достигнута была она ею, в основном, посредством «просветительской» помощи перерождающейся советской партократии. Без буржуазного перерождения правящей партократии послесталинской «советской» державы ничто не давало Западу победу.

Ключевые слова: всеобщая «холодная» война, плутократия, большевизм, партократия, разложение.

WHAT WAS HIDING BEHIND THE UNIVERSAL «COLD» WAR

Abstract. The Western plutocracy war aimed at the eradication of Bolshevism is being researched. The disappearance of a constant Bolshevik obstacle along with Stalin on the way of the rebirth of the Soviet partocracy ensured plutocracy's victory. And it was achieved mainly through the «educational» assistance of the reborn Soviet partocracy. Without a bourgeois rebirth of the ruling partocracy of the post-Stalin «Soviet» power the West had no hope for victory.

Keywords: universal «cold» war, plutocracy, bolshevism, partocracy, decomposition.

Война «демократического» Запада против большевизма отличалась от войны «тоталитаристской» Германии именно и только видом ведения войны. Вынужденная вести эту войну сугубо в виде «холодной» войны «демократия» Запада оказалась именно и только потому, что после разгрома III рейха Родиной Большевистской Революции она была не в силах пытаться ликвидировать большевизм посредством ведения «горячей» войны, как её нацистский авангард. А быстрая ликвидация страной большевистских «советов» американской монополии на оружие тотального уничтожения не позволила мировой финансовой плутократии воспользоваться этим оружием. Поэтому пришлось «демократии», т.е. плутократии, делать ставку на скрытую разлагающую войну.

«Демократия» не могла бы решиться на такую ставку, если бы ее высшие теоретические силы не изучали и не осмысливали фундаментальные историоведческие мысли Маркса (особенно, содержащиеся в его оставшихся неизвестными не только Ленину, но и Сталину «Экономических рукописях 1857–1859 гг.») более свободно, более творчески и более глубоко, чем оставшиеся после Ленина теоретические силы партии. Канонизация теоретического видения перспектив социализма, сложившегося у Ленина перед его преждевременной смертью в пределах «Анти-Дюринга», сослужив великую службу его соратникам в деле руководства строительством основ социализма и его защиты в нашей стране, послужило, одновременно, как теперь становится понятно, упрощенному видению истории, такому же пониманию социализма и, главное, принятию советского общественного строя за уже осуществленный социализм. Лучшие же теоретики плутократии, приходится считать,

из фундаментального историоведения Маркса поняли, что до кончины эксплуататорской формации общества на планете еще далеко, а до создания основ социализма, представляющего собой переходный период преодоления этой формации и выхода на уровень общества свободной индивидуальности (Маркс), тоже не близко. Главное, надо думать, они поняли, что советский общественный строй, возникший на далеко не адекватной для преодоления эксплуатации технологической и хозяйственной (да и моральной!) основе, *исторически подвержен опасности переродиться обратно* в старый эксплуататорский строй, даже без воздействия извне, если не будет ей постоянной преграды в виде подвижничества большевистской партии. Значит, оставалось только незаметно подрывать эту преграду и помогать потенциальным перерожденцам на всех уровнях «пролетарского» авангарда как можно быстрее и глубже переродиться. И плутократия Запада повела свою всеобщую «холодную» войну против большевизма предельно решительно, последовательно и результативно, выдерживая неуклонно стратегию и меняя, в зависимости от изменения конкретных обстоятельств, только тактику (не всегда отвечающей национальным интересам отдельных стран Запада, но неизменно работающей на победу плутократии этого Запада).

Стратегия официально была обнародована для Запада и мира (особенно, конечно, «для советов») как «Стратегия Сдерживания Советов». Но за безобидным словом «сдерживание» скрывалась именно и только указанная выше (в Заглавии) Стратегия. Всеобщая «холодная» война была всецело войной наднациональной евроатлантической плутократии, нацеленной на ликвидацию большевизма, но проводимой, в основном, силами обогатившихся после «горячих» мировых войн США.

Именно и только исчезновение вместе со Сталиным постоянной большевистской преграды на пути буржуазного перерождения правящей советской партократии обеспечило наднациональной западной плутократии Победу над Советами. И достигнута была она ими, в основном, посредством «просветительской» помощи перерождающейся советской партократии. Все остальные средства, пути и способы борьбы, без буржуазного перерождения правящей партократии, не давали ей победу. Даже вместе взятые.

Опираясь на марксизм и требования жизни, большевики могли проводить и проводили (до хрущевской десталинизации партии) грамотную политику – и в экономике, и в идеологии, и в сфере самой борьбы за сохранение большевистской власти в государстве. Политику, гарантирующую недоступное для плутократии ускоренное развитие экономики в гигантском большевистском государстве, являвшимся таким же строительством адекватной технологической основы социализма, как сегодня с успехом это продолжают делать не допустившие демаоизации своей власти китайские марксисты.

У нас же открыла дорогу для перерождения правящей партократии именно десталинизация, поданная как борьба с «культом личности Сталина», но являвшаяся на деле дебольшевизацией всего и вся под названием «возвращение ленинского стиля» во всём и вся. А все дальнейшее было уже вопросом только времени, даже при самых чистых намерениях не посвященных или непонимающих суть десталинизации советских людей – на каком бы уровне и в каком бы секторе они ни действовали. И «хрущевская» десталинизация закономерно завершилась «горбачевской» деленинизацией. Завершилась десоциализацией Руси.

Но было бы ошибочно думать, что десталинизаторов породил Запад. Десталинизаторы, т.е. дебольшевизаторы большевистской державы – суть порождение конкретной ис-

торической ситуации в нашей стране и мире, ситуации, в которой происходило как взятие большевиками власти и ее защита, так и строительство основ социализма под их водительством. Наднациональная западная плутократия лишь воспользовалась этой ситуацией в своей войне с большевизмом, с которым она не могла не бороться насмерть.

Полнейшее принципиальное подтверждение сказанному дает изучение и осмысление научного (правда, и «дипломатичного» одновременно!) капитального труда Г. Киссинджера [1].

Вот его ключевые резюмирующие выводы (помимо откровений хотя бы о том, как проводилась лукавая политика мудрой плутократии в связи с мятежом в Венгрии, с Суэцким и Кубинским кризисами).

Долголетний советник президентов утверждает, что в период после смерти Сталина его наследники «...ложно истолковали собственное выживание в отсутствие вызова извне как доказательство слабости Запада. И они тешили себя тем, что воспринимали как кардинальный советский прорыв в мир развивающихся стран. ...Чем раскалывать капиталистический мир, что и было фундаментальной стратегией Сталина, они предпочитали одерживать над ним победу...» [1, с. 696]. А их ввели, оказалось, как недорослей.

Как пишет Г. Киссинджер, американский президент Р. Рейган в речи 1982 г., написанной, конечно, советником, так описывал ситуацию: «Маркс был прав. Мы сегодня являемся свидетелями гигантского революционного (если не отличать его, конечно, от разложенческого! – В.Т.) кризиса в Советском (увы! уже Постсталинистском! – В.Т.) Союзе, где требования (перерожденческого уже! – В.Т.) экономического порядка находятся в прямом противоречии с требованиями политического порядка (даже уже прохрущевистского, притом не только политического, но и идеономического, оказавшихся в прямом противоречии не только с перерожденческим капиталистическим порядком, но и с перерождающимся «социалистическим» порядком! – В.Т.)» [1, с. 699].

«Однако кризис этот происходит не на ...немарксистском Западе, а дома у марксизмаленинизма (увы! давно уже не марксизма, и даже не ленинизма, от имени которого мещанствующие номенклатурии партократии проводили хрущевизацию марксизма, а профанирующего марксизм хрущевизма, объявившего о «развернутом» строительстве высшей стадии «рая»(!), завершившемся под руководством хрущевистской дебольшевизированной партии разложением самой созданной большевиками советской сверхдержавы с последующей прихватизацией её достижений переродившейся хрущевистской партократией! – В.Т.), в Советском («без большевиков»! – В.Т.) Союзе...» [1, с. 699]. «То, что мы видим (в 1982-м, а не в 1932-м, 1942-м и 1952 гг.! – В.Т.), представляет собой политическую надстройку, более не соответствующую экономическому базису, общество, где производительные силы наталкиваются на препятствия со стороны сил политических (разумеется, не просоциалистических, а проприхватизаторских, стремящихся «перестроить» экономический базис общества полностью, до конца! Об этом, понятно, советник Рейгана лукаво молчит. – В.Т.)» [1, с. 699].

«...никто (из «американских» политиков – В.Т.) не выдвигал конкретных условий для окончания конфронтации или начала процесса, который мог привести к переговорам на эту тему» [1, с. 335]. Пока Сталинистический Советский Союз сохранял свою сущность и, конечно, свою идеологию, переговоры считались, как пишет мэтр, не имеющими смысла. «После перемены образа мыслей урегулирование достигалось бы почти автоматически» [1, с. 336].

«Кремль свободно выбирал для себя точки атаки, предпочтительно там, где, по его расчетам, он получит наибольшую выгоду. ..."(всеобщая – В.Т.) холодная война" оказалась ...насыщенной ложными и неточными представлениями (для хрущевистов! – В.Т.) об относительной слабости Запада. Обращение (Сталинистического – В.Т.) Советского Союза в истинную веру («американцев» – В.Т.) становилось ...конечной политической целью; стабильность могла возникнуть только тогда, когда будет изгнано (из Сохраняющегося Советского Союза – В.Т.) зло (т.е. большевизм! – В.Т.)» [1, с. 340–341].

Правду мэтра «американской» дипломатии подтверждает в своем «Послесловии» и наш академик демократии Г. Арбатов, «опровергающий» ее (т.е. правду) очень характерным образом: «В "(всеобщей – В.Т.) холодной войне", – утверждает он, – нет ...победителей. Обе стороны пострадали, израсходовав впустую огромные ресурсы. ...впечатление, будто СССР проиграл "(всеобщую – В.Т.) холодную войну", ...создалось ...потому, что окончание "(всеобщей – В.Т.) холодной войны" по времени совпало с началом глубокого внутреннего кризиса...» [1, с. 844].

Увы! Правду пишет Г. Киссинджер, а не академик хрущевистов!

Литература:

1. Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В.В. Львова / Послесл. Г.А. Арбатова. М.: Ладомир, 1997. 848 с.

References:

1. Kissindzher G. Diplomatiya / Per. s angl. V.V. L'vova / Poslesl. G.A. Arbatova. M.: Ladomir, 1997. 848 s.

— ● —

Сведения об авторе:

Василий Иванович **Табак**ов, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия).

Раздел II. Социальные революции в контексте Отечественной истории

УДК 32:130.3

ОТНОШЕНИЕ К РОССИЙСКИМ РЕВОЛЮЦИЯМ 1917 ГОДА В РАМКАХ ОБЪЕДИНЁННОЙ ОППОЗИЦИИ В НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ

А.А. Фоменков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: artjom2310@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности отношения к Октябрьской революции в рамках объединённой оппозиции. Сделаны выводы об отсутствии консенсуса по этому значимому вопросу. Выявлена специфика отношения в рамках объединённой оппозиции к Февральской революции.

Ключевые слова: революция, оппозиция, разногласия, тактический союз.

AN ATTITUDE TO THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AS A PART OF THE UNITED OPPOSITION IN THE EARLY 1990s

Abstract. The article describes the features of the attitude to the October Revolution under the united opposition. The conclusions about the absence of a consensus on this significant issue are made. The specificity of the relations within the united opposition to the February Revolutions is revealed.

Keywords: revolution, opposition, divisions, a tactical alliance.

Одной из особенностей развития политической ситуации в СССР, а затем и в Российской Федерации в начале 1990-х годов явилось появление радикальной оппозиции действующей власти (сначала М.С. Горбачёв, а затем Б.Н. Ельцин и его команда), соединившей в своих рядах политические силы как с правого фланга (в данном случае речь идёт о патриотах-государственниках и русских националистах), так и с левого (имеются в виду коммунисты). Судя по всему, главной причиной такого рода альянсов было стремление противоборствовать центробежным тенденциям на территории СССР, а также проведению экономических реформ в либеральном духе [8, с. 73]. Из объединений подобного рода уместно упомянуть ВПД «Отчизна», Российский общенародный союз, Российское народное собрание, Русский национальный собор, Фронт национального спасения. Последние две организации были не только самыми крупными в рамках объединённой оппозиции, но также и самыми заметными на политической арене страны.

Совершенно очевидно, что любая политическая коалиция должна строиться на основе консенсуса по ряду базовых идей. Применительно к объединённой оппозиции начала 1990-х годов уместно утверждать, что по большей части объединяющие идеи были с приставкой «не». То есть, организации выступали за НЕдопущение развала СССР, за НЕдопущение «грабительских» реформ, за НЕразрушение армии и силовых структур и т.п. Куда как сложнее было с позитивным объединением. Ярким примером тому было отношение к Октябрьской революции 1917 г.

Весьма красочно разногласия по отношению к советскому и досоветскому прошлому проявлялось, например, в рамках Учредительного съезда Русского национального собора

в феврале 1992 г. в Нижнем Новгороде. Так, например, «...стоило только одному из ...[них] обмолвиться, что Николай II как государь был ничтожество, монархическое большинство собора подняло такой свист и гвалт – святых выноси! Когда представитель движения «Трудовая Москва» обратилась к собору «Товарищи!» – ей мягко, дама всё же, заметили, что товарищей здесь нет» [7]. Разумеется, такого рода казусы были не единственными проявлениями идеологического плюрализма участников съезда, однако факт оставался фактом – никакого единства мнений относительно роли и значения Октябрьской революции в истории страны у делегатов не было и в помине.

Ничуть не меньше разногласий было и на мероприятиях, проводившихся Фронтом национального спасения, созданным осенью 1993 г. Отметим также, что иногда некоторые активисты ФНС или оппозиционно настроенные политологи вообще высказывали сомнения относительно необходимости сохранения альянса между столь разнородными политическими силами, каковыми являлись коммунисты, умеренные государственники, монархисты, русские националисты [4; 9; 12; 13]. В итоге имеет смысл утверждать, что Фронт был образован именно по тактическим соображениям, главным из которых являлось стремление сменить власть в стране [2; 3]. По сути, правые и левые лидеры взяли на вооружение классический принцип «Врозь идти, вместе бить». На практике «синтез» правой и левой идеологий проявлялся в том, что «...националистические организации активно [использовали] лозунги о социальных гарантиях для населения, а коммунисты – патриотическую и государственническую риторику» [11, с. 12]. Важно упомянуть, что делегаты Конгресса ФНС проголосовали также за декларацию о примирении «красных» и «белых», носившую, по мнению членов ФНС, исторический характер [6, с. 150; 14, с. 50] (впрочем, следует заметить, что подобные идеи высказывались ещё ранее лидерами Русского национального собора [1]). Последний документ, кстати, был единственным, принятым на Конгрессе не единогласно – против голосовало 37 человек [10]. Иначе говоря, и в рамках Фронта национального спасения никакого единства мнения о роли и значении Октябрьской революции для России не имелось.

Совсем уж вызывающе разногласия в объединённой оппозиции проявлялись на страницах газеты «День», главным редактором которой был А.А. Проханов. В самом деле, в 1991–1993 годах это издание предоставляло возможность высказать свою точку зрения крайне разномастным политикам и мыслителям – от православных клерикалов до исламских фундаменталистов; от ультракоммунистов до умеренных критиков Б.Н. Ельцина, успевших к тому же поработать в исполнительной ветви власти в 1992–1993 годах; от сторонников возрождения СССР до тех, кто категорически выступал против коренных народов Закавказья и Средней Азии; от ярых антизападников до европейских «новых правых»; от певших осанну генералу А.А. Власову до разоблачающих «власовца» М.С. Горбачёва [5, с. 122].

В целом, следует признать, что в рамках российской объединённой оппозиции начала 1990-х годов был широчайший разброс мнений относительно роли и значения Октябрьской революции в истории России. Разброс был в диапазоне от апологетики (причём, не только ортодоксально-коммунистической, иные национал-патриоты превозносили те события как предвестник будущего мирового лидерства СССР как государства, где доминируют русские) до представлений о событиях октября 1917 г. как масонского заговора. По сути, консенсус был достигнут относительно Февральской революции. К ней отрицательно относились во всех структурах объединённой оппозиции.

Литература:

1. Александр Стерлигов: «Я надеюсь стать мэром Москвы» // Правда. 1992. 8 окт.
2. Антонов В.В. Каким курсом? (Союз коммунистов и патриотов) // Наше Отечество. 1993. № 4(18).
3. Владимиров А. Подземная империя // Российские вести. 1992. 22 окт.
4. Диалог политолога Александра Янова и Алексея Пригарина, бывшего члена ЦК КПСС, нынешнего лидера новообразованного союза коммунистов // Московские ведомости. 1992. № 26–27 (сент.).
5. Казинцев А. На пороге дискуссии // Наш современник. 1993. № 3. С. 122–123.
6. Казинцев А. Самоубийство под контролем // Наш современник. 1993. № 9. С. 149–169.
7. Киселёв В. Ты записался патриотом? // Нижегородский рабочий. 1992. 19 февр.
8. Никитенко В.А. Фоменков А.А. Программные документы политических структур российской объединённой оппозиции в конце 1991–1992 годов // Приволжский научный вестник. 2015. № 3–2 (43). С. 73–78.
9. Новиков С.А. Оппозиция правая и левая: Мысли при чтении «Мысли» // Мысль. 1993. № 8(30).
10. Руденко С. Рабочим слова не предоставили и не... // Сообщает ИРА (Магнитогорск). 1992. № 30(34).
11. Рябов А.В. Девяносто второй год // Кентавр. 1993. № 1. С. 3–17.
12. Сидоров В. Правый альянс на левом фланге // Контраргументы и факты (Новгород). 1992. № 5(14).
13. Соломин И. Политические союзы и абстиненция // Политика. 1993. № 2(25).
14. Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995. 316 с.

References:

1. Aleksandr Sterligov: «Ja nadejus' stat' mjerom Moskvu» // Pravda. 1992. 8 okt.
2. Antonov V.V. Kakim kursom? (Sojuz kommunistov i patriotov) // Nashe Otechestvo. 1993. № 4(18).
3. Vladimirov A. Podzemnaja imperija // Rossijskie vesti. 1992. 22 okt.
4. Dialog politologa Aleksandra Janova i Alekseja Prigarina, byvshego chlena CK KPSS, nyneshnego lidera novoobrazovannogo sojuza kommunistov // Moskovskie vedomosti. 1992. № 26–27 (sent.).
5. Kazincev A. Na poroge diskussii // Nash sovremennik. 1993. № 3. S. 122–123.
6. Kazincev A. Samoubijstvo pod kontrolem // Nash sovremennik. 1993. № 9. S. 149–169.
7. Kisel'ov V. Ty zapisalsja patriotom? // Nizhegorodskij rabochij. 1992. 19 fevr.
8. Nikitenko V.A. Fomenkov A.A. Programmnye dokumenty politicheskikh struktur rossijskoj obedinjonnoj oppozicii v konce 1991–1992 godov // Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2015. № 3–2 (43). S. 73–78.
9. Novikov S.A. Oppozicija pravaja i levaja: Mysli pri chtenii «Mysl'» // Mysl'. 1993. № 8(30).
10. Rudenko S. Rabochim slova ne predostavili i ne... // Soobshhaet IRA (Magnitogorsk). 1992. № 30(34).
11. Rjabov A.V. Devjanosto vtoroj god // Kentavr. 1993. № 1. S. 3–17.

-
12. Sidorov V. Pravyj al'jans na levom flange // Kontrargumenty i fakty (Novgorod). 1992. № 5(14).
 13. Solomin I. Politicheskie sojuzy i abstinencija // Politika. 1993. № 2(25).
 14. Janov A. Posle El'cina: «Vejmarskaja» Rossija. M.: KRUK, 1995. 316 s.

Сведения об авторе:

Артём Александрович **Фоменков**, доктор исторических наук, доцент кафедры теории политики и коммуникации, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).